

ДЖОРДЖЕТТ ХЕЙЕР

РОМАН

БЕГСТВО
КОРОЛЯ

Джорджетт Хейер
Бегство короля

ООО «ГЕРМЕС БУКС»

1938

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)

Хейер Д.

Бегство короля / Д. Хейер — ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1938

ISBN 978-5-9524-6741-5

1651 год. Попытка реставрации монархии в Англии потерпела крах. Юный Карл II Стюарт лишился права владеть короной. После поражения в Ворчестерской битве он вынужден спасаться бегством и вместе со своими приближенными пытается добраться до порта, чтобы отплыть во Францию. Однако с его весьма примечательной внешностью Карлу не так-то легко остаться неузнанным...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-9524-6741-5

© Хейер Д., 1938

© ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1938

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	50
Глава 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Джорджетт Хейер Бегство короля

Посвящается Норе Перриам

Georgette Heyer
ROYAL ESCAPE

A Novel

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс», 2026

Глава 1

Монаршая воля

С того момента, как король взобрался на колокольню кафедрального собора – а сделано это было спозаранку – и увидел диспозицию войск Кромвеля, унылый день как бы набряк осенним туманом и напоминал своей пасмурностью лицо генерала Лесли.

– Вы полагаете, у солдат бравый вид? – спросил несколько недель тому назад Лесли и кисло скривился, будто съел лимон. – Эх-хе-хе! Вид у них, может, и бравый, да вот только сражаться они не будут.

Однако король все равно вывел через Сидберийские ворота шотландских горцев и своих лучших пехотинцев; вместе с ними вышла и горстка английских роялистов, которые плотным кольцом обступили его величество. И они так прекрасно сражались, что оттеснили «железно-боких» Кромвеля к подножию Красного холма. Ринься тогда в атаку кавалерия – и день окончился бы победой короля, но кавалерия не пришла на помощь пехоте. Три тысячи шотландских всадников под предводительством Дэвида Лесли даже не попытались помочь пехотинцам, которые, израсходовав весь запас пороха, дрались алебардами и прикладами мушкетов, однако вынуждены были отступить, когда к Кромвелю подоспело подкрепление.

Жители Ворчестера поспешили спрятаться в домах и поплотнее закрыли ставни, видя, что бои уже ведутся на подступах к городу. К югу от Ворчестера Флитвуд переправился через реку Тейм по Поувикскому мосту; к западу от Северна, за Питчкрофтским лугом, шотландцы генерала Дельела, нисколько не сожалея о проигранном бое, – ведь дрались-то они на чужой земле! – сложили оружие, признав себя побежденными. Ну а на главной линии фронта началось наступление на королевскую крепость Форт-Рояль. Ружья гремели и грохотали, в воздухе стоял едкий запах дыма, а за дымовой завесой смутно маячили, то исчезая, то появляясь вновь, силуэты сражающихся противников. Бои подкатывались все ближе и ближе к городу...

Перед Сидберийскими воротами, перегораживая въезд в Ворчестер, лежал перевернутый фургон с боеприпасами. Два его колеса смотрели в небо, а пули и порох высыпались на дорогу и валялись в куче лошадиных кишок. Высокий всадник в запыхавшихся коротких доспехах со следами вмятин от ударов вынырнул из пелены тумана и, услышав окрик «Стой!», резко осадил лошадь. Она поскользнулась и чуть не упала среди обломков. Когда всадник неловко спешился – доспехи сковывали его движения, – люди, сгрудившиеся у ворот, увидели на его груди бриллиантовую звезду и успели разглядеть под забралом шлема молодое лицо с резкими чертами. Затем всадник на мгновение скрылся из виду, поскольку к нему на зов подскакало на лошадях сразу несколько человек. Голоса, звучавшие от волнения резче обычного, сливались в общий неясный гул; высокий всадник прошел сквозь толпу и, осторожно перебравшись через фургон, проник в город.

Руки в перчатках дернули за тесемки нагрудника.

– Снимите с меня доспехи! – скомандовал всадник. Он охрип от усталости и, прокашлявшись, повторил громче, выражая недовольство нерасторопностью следовавших за ним людей: – Я кому сказал: снимите! Ты сними, Уилл Арморер! А ты, герцог, найди мне свежего коня!

Юный Арморер потянул за ремешки доспехов. Его пальцы, липкие от пота, дрожали.

– День потерян. Нас теснят, – бормотал он. – Будь прокляты эти шотландцы!

Наконец ему удалось снять поцарапанную нагрудную пластину, и она с гулким звоном упала на булыжную мостовую. Король скинул защитные набедрия и выпрямился, облегченно вздохнув.

– Нет, не все потеряно! Еще не все потеряно! – сказал он, но в его голосе звучала скорее боль, нежели уверенность.

Обернувшись, король схватил под уздцы большого гнедого жеребца, которого подвел к нему Дарси, вскочил в седло и помчался вверх по крутой улочке, направляясь к собору.

Войска генерала Лесли были приведены в боевую готовность, но не выказывали намерения принять участие в схватке. Король поскакал туда, где стоял Дэвид Лесли, беседовавший с кем-то из своих подчиненных. При виде короля все расступились; он пронесся меж двух офицеров, сидевших верхом на резвых конях, и яростно обрушился на Лесли.

Что именно сказал король, слышал только сам генерал.

Лицо его вытянулось, и он отчетливо произнес:

– Когда ваше величество научится разбираться в людях не хуже меня, вы поймете, что подчас бессмысленно ждать от них продвижения вперед.

– Разбираться в людях не хуже вас! – воскликнул король прерывающимся голосом. – Так вот как у вас в Швеции принято это называть?

Не дожидаясь ответа, он резко отвернулся, сорвал с головы шляпу с пером и поехал вдоль рядов, оборотив к солдатам свое лицо, обрамленное разлохмаченными черными локонами.

– Господа! – кричал он. – Неужели вы подадите повод к тому, чтобы можно было сказать: шотландцы не отважились сразиться с людьми Кромвеля? Кто из вас нанесет удар Карлу Стюарту? Ты, Нед Фрейзер? Или ты, Джеймс Дуглас?

Лесли не без сочувствия глядел ему вслед, но, услышав, как король окликает воинов, тщетно призывая их следовать за ним, передернул плечами.

– Вот это генерал! – раздался протяжный, дерзкий голос. – Вы должны им восхищаться, Тэлбот. Наш друг заслуживает всяческих похвал. Право же, заслуживает!

– Ах, оставьте, ради бога, Бэкингом, – возразил Тэлбот. – Мятежники уже в городе! Генерал Лесли, я заклинаю вас... Вы ведь верны королю...

– Мои люди не будут драться! – сердито перебил его Лесли. – Я вас предупреждал, как все получится; вы не станете этого отрицать! И если вас волнует судьба его величества, посоветуйте ему отступить. У нас нет другого выхода!

Рыжеволосый мужчина с грубым, лающим голосом, в котором чувствовался сильный шотландский акцент, воскликнул:

– Но ведь они готовы к бою!

– Ах вот как, лорд Лодердейл? Теперь, стало быть, готовы? – вскипел Лесли. – И вы, вероятно, решили преподать мне урок военного искусства? Говорю вам, милорды... и вам, ваше величество: не пытайтесь втянуть солдат в сражение. Они не настроены драться, и их ряды дрогнут!

Бэкингом, к которому эта речь была обращена в первую очередь, лишь презрительно поднял красиво изогнутые брови. Шум боя у Сидберийских ворот с каждой минутой все усиливался...

Тэлбот воскликнул:

– Боже мой, неужели они уже в городе? Королю нужно уезжать!

С этими словами он прищипорил лошадь и не услышал, как Лесли сказал:

– Пусть король затеряется среди моих солдат. Я постараюсь доставить его целым и невредимым в Шотландию.

Тэлбот – за ним по пятам следовали Лодердейл, Арморер, Дарси и еще один придворный короля – подскакал к его величеству и, наклонившись в седле, схватил под уздцы его гнедого жеребца.

– Сир, вы должны спастись! – взволнованно вскричал он. – Враги прорываются повсюду! Ничего поделать больше нельзя!

Король вырвал у него из рук поводья, и жеребец, всхрапев, взвился на дыбы.

– Бежать?! Нет! Нам стоит всего разок атаковать их – и они уберутся из города! Господа! Господа! Я умоляю вас...

– Сир, Гамильтон, Дуглас, Форбс – все пали в бою, – вскричал Тэлбот. – Вы должны спасти свою жизнь.

Король обратил искажившееся лицо к рядам шотландцев.

– Значит, вы не вступитесь за короля? – гневно воскликнул он. – Тогда лучше застрелите меня, чтобы я не видел последствий этого рокового дня!

В голосе его сквозила такая мука, что лорд Тэлбот поморщился. Лодердейл выскочил верхом на лошади вперед и тоже схватил королевского коня под уздцы.

– Застрелить вас? – переспросил он со смешанным чувством жалости и возмущения. – Ну нет, сир! Клянусь Господом Богом, вы слишком дороги этому государству. Уезжайте отсюда!

Тут примчался юноша на взмыленной лошади и крикнул хриплым, сорванным голосом, что «круглоголовые» уже в городе и король должен бежать, иначе его схватят. Подчиненные Лесли, пытавшиеся призвать к бою угрюмо молчавших солдат, обступили гонца. А он – это был еще один придворный короля – отрывисто сказал, что английские всадники сражаются на Фрайерс-стрит и сдерживают натиск мятежников, давая королю возможность бежать. Лодердейл и Тэлбот почти насильно увели монарха, и шотландские солдаты начали покидать город. Дом с двускатной крышей, почти две недели кряду служивший пристанищем королю, располагался в конце Нью-стрит и выходил окнами на Корн-Маркет, рынок. Улочка – она являлась продолжением Фрайерс-стрит – была узкой, шла под уклон и вела к Сидберийским воротам. Там, как и говорил мистер Мэй, отряд английской кавалерии, сплотившийся вокруг старого лорда Кливленда, полковника Вогана, майора Карлиса, Месси и других, блестяще отражал одну атаку за другой. Улица лежала в руинах, лошадиные копыта скользили и наступали на тела мертвых и раненых, в водосточных канавах текла кровь. Король и его немногочисленная свита с трудом пробирались к Нью-стрит по дороге, кишевшей деморализованными королевскими солдатами, и наконец приблизились к большому дому, наполовину сделанному из дерева и стоявшему на краю улицы.

И тут король, который не произнес ни единого слова с тех пор, как обратился к войску Лесли, торопливо проговорил, слезая с коня:

– Я сейчас вернусь. Мне нужно кое-что сделать.

Только Тэлбот уловил смысл его слов, ибо они потонули в шуме сражения, бушевавшего на другом конце улицы.

Тэлбот крикнул:

– Сир, ради бога, возвращайтесь побыстрее!

– Придержите коня! – распорядился Карл, отдавая Тэлботу поводья. – Мои бумаги! Я должен сжечь бумаги!

И он скрылся в доме. Дарси соскочил с коня и кинулся вслед за королем, а вдогонку ему раздался хриплый голос Лодердейла, призывавшего поторопить монарха.

Шум на улице, похоже, усилился, резонируя от стен зданий, тянувшихся по обеим сторонам мостовой. И вскоре взорам тех, кто наблюдал за происходящим, открылась тревожная картина: бои приближались. В город вливалось подкрепление республиканцев, и отчаянной храбрости королевских всадников, которые вновь и вновь бросались на полчища врагов в красных мундирах, все же оказывалось мало, ибо враг превосходил их своей численностью и справиться с ним было невозможно.

Очутившись в доме, король бросился в комнату за своей спальней – помещение это служило ему гардеробной – и принялся лихорадочно рыться в бумагах, протягивая Дарси листок за листком. Дарси бросал их в камин на еле тлеющие угли. Король был поглощен своим занятием и не замечал ничего вокруг, а Дарси, цепенея, прислушивался к шуму битвы, которая,

похоже, велась уже почти под зарешеченными окнами дома. Один раз он даже не выдержал и взмолился, призывая короля покинуть дом, но Карл не обратил на него внимания.

Дверь, выходившая из спальни на лестницу, внезапно распахнулась; слышались тяжелые, торопливые шаги, и в следующее мгновение в дверном проеме, отделявшем одну комнату от другой, появился грузный лорд Уилмот.

Он запыхался, волосы его растрепались; цветущее, красивое лицо покраснело от напряжения. Не теряя времени на церемонии, лорд схватил короля за руку.

– Оставьте это, сир! Они вот-вот ворвутся в дом! Ваши слуги пока задерживают их у дверей. Вам надо немедленно уходить!

– Да, – отозвался король. – Да, я иду. Вот еще одна бумага, герцог! Раздуйте посильнее пламя!

Последний документ запылал в камине.

Дарси поднялся с колен и прошептал:

– А ваши сокровища? Ваши драгоценности?

– Ах, герцог! – рассмеялся король.

Уилмот распахнул дверь и буквально протолкнул в нее короля.

– Идите черным ходом! Вас ждут там!

Судя по приглушенному грохоту, доносившемуся с первого этажа, бой велся уже на пороге дома.

– Поторопитесь, сир. Ради Господа Бога, поторопитесь! – свистящим шепотом произнес Уилмот.

Он подвел короля к узкой лестнице для слуг, но потом вдруг остановил его:

– Нет, погодите! Я пойду первым. Они могли уже обойти дом с другой стороны!

Лорд Уилмот вытащил шпагу из ножен и принялся стремительно (однако соблюдая максимальную осторожность) спускаться по винтовой лестнице. Король схватил за руку Дарси, который, похоже, намеревался героически прикрывать отступление его величества, и двинулся вслед за Уилмотом.

Тэлбот, Лодердейл, Арморер и Хью Мэй – все собрались у черного хода. Солдат-республиканцев еще не было видно, так что никто не мог помешать побегу короля. Тэлбот вздохнул с явным облегчением, увидев высокий, изящный силуэт, появившийся в дверном проеме, и поспешил подвести к королю серого жеребца.

– Садитесь скорее, сир! Мы и так замешкались. Лесли, должно быть, уже вышел из ворот Святого Мартина. Нам нужно поторопиться, чтобы догнать его.

– О боже! – вырвалось у короля. – Бежать? Нет, я должен сплотить ряды солдат! Они должны последовать за мной!

Тэлбот, ни на грош не доверявший людям, которые отступили, бросив короля на милость победителей, ничего не ответил.

Зато Лодердейл отрывисто бросил:

– Ну разумеется, мы поднимем их боевой дух! Можете не сомневаться. Но полагаю, для этого нужно их сперва догнать. Поедемте же, сир!

Король пришпорил коня; немногочисленные приверженцы монарха сомкнули вокруг него свои ряды, и лошади, цокая копытами, двинулись по узким улочкам к воротам Святого Мартина.

Бои теперь сосредоточились у Кастл-Хилл – Замкового холма, – который до сих пор удерживали в своих руках Ротс и сэр Уильям Гамильтон. На Фрайерс-стрит тоже не утихало сражение; но сторонники его величества, понеся серьезные потери, были вынуждены отступить к Кистрит. По мере продвижения королевского отряда на запад шум битвы стихал. Солдаты-республиканцы, которые попытались бы помешать продвижению короля к городским воротам,

так и не появились, и в шесть часов, в быстро сгущавшихся сумерках, Карл выехал из ворот Святого Мартина и поскакал по направлению к Вулверхэмптон-роуд.

В миле от города, на мосту Барбон, Лесли удалось остановить своих вояк. Кроме довольно большого числа простых всадников, здесь были и кое-кто из аристократов: узнав об отступлении шотландской кавалерии и о бегстве короля, они в смятении покинули поле боя. Подъехав, король обнаружил, что Бэкингом поспешно собирает войско, чтобы вторгнуться в город и вырвать короля из лап врагов. Появление монарха было встречено друзьями с таким облегчением, что они даже разразились радостными, чуть ли не триумфальными криками. Однако король не обратил на эти крики внимания, равно как и на приветствие Бэкингема, который моментально подскочил к нему. С уст герцога готова была сорваться добрая дюжина вопросов. Но король жестом велел прекрасному юноше убраться с глаз долой, ибо взгляд его величества был устремлен на Лесли.

Карл заметил с присущим ему чувством юмора, которое никогда не покидало его:

– Я смотрю, вы-таки собрали свое стадо баранов, генерал! Что ж, пока еще не поздно. Если сейчас внезапно атаковать бунтовщиков...

– Да, я собрал солдат, как вы изволили заметить, ваше величество, – прервал Карла Лесли. – Но они не разбегаются только потому, что мы отступаем. Я умоляю ваше величество оставить всяческие помыслы о том, чтобы снова взяться за оружие.

– Как это «снова»? – елеинным тоном переспросил Бэкингом.

Лесли не удостоил его своим вниманием, по-прежнему не отрывая взора от короля.

– Поверьте, я очень сочувствую вашему величеству, но я нарушил бы свой долг перед вами, если бы посоветовал что-нибудь иное, кроме отступления.

Люди, стоявшие близко к королю, увидели, как его рука, державшая поводья, сжалась. Минуту он хранил молчание, но затем сказал тихим голосом, который дрожал от тщательно подавляемых эмоций:

– Известно ли вам... и им, что в Ворчестере остались люди, которые продолжают сражаться, прикрывая это позорное отступление?

Лесли едва заметно передернул плечами.

– Люди, о которых вы говорите, не шотландцы, сир, – сухо промолвил он. – И *это* моим людям, разумеется, известно.

– И вы ничего не предпримете? – слегка возвысил голос король. – Вы же их генерал! Они вас знают и доверяют вам! Одно ваше слово... слово, которое вы, сдается мне, так никогда и не произнесете...

– Я не отдам приказа, которому не в силах заставить людей подчиниться, сир.

Король что-то нетерпеливо воскликнул и развернул лошадь. Он снова подъехал к солдатам и принялся называть их по именам, улещивать, чуть ли не умолять... Все было бесполезно; они возмущались даже этой временной провололочкой, и кое-кто начал дезертировать.

– Это невыносимо! – пробормотал себе под нос Тэлбот, у которого разрывалось сердце при виде отчаяния молодого короля.

Он сказал это еле слышно, однако его слова достигли слуха лорда Дерби. Щеки Дерби запылали, надменные брови насупились, глаза вспыхнули презрением и яростью.

– Это невыносимо! – подхватил он. – Шотландская шваль!

Лорд резко вонзил шпоры в бока лошади и помчался за королем. Бэкингом хотел последовать за ним, но Тэлбот преградил ему путь.

– Оставьте, милорд! – сказал Тэлбот. – Вы все равно ничем не поможете.

Бэкингом остановился, но сердито крикнул:

– Если бы мне дали команду, эти трусы вели бы себя по-другому!

– Снявши голову, по волосам не плачут, – откликнулся Тэлбот, кое-как сдерживая вполне естественно закипавшее раздражение.

Капризный герцог, которому было всего двадцать четыре года и который ничего не смыслил в военном искусстве, уже несколько дней подряд дулся на короля, отказавшегося назначить его главнокомандующим армией. Герцог Бэкингом воспитывался вместе с Карлом, был ему почти как родной брат и не только отличался приятной внешностью, изяществом и остроумием, но и пользовался доверием короля в гораздо большей степени, чем того заслуживал, по мнению Тэлбота. Бэкингом частенько злоупотреблял своим привилегированным положением и отходчивостью короля, но сейчас, несмотря на всю свою мрачность – в какой-то момент лицо его даже приняло упрямое выражение, – герцог остался на месте, похлопывая расшитой перчаткой по высоким сапогам и сердито глядя вслед Лесли.

Уилмот, поехавший было за Дерби, вернулся и присоединился к дворянам, собравшимся вокруг Тэлбота. Тот заметил, что на щеке милорда поблескивает слезинка, и сделал несколько шагов ему навстречу.

– Все это пустая затея, Гарри. Они не будут сражаться, а каждая минута промедления опасна для его величества! – сказал Тэлбот.

– Он растерян, – откликнулся Уилмот. – Я никогда не видел его в таком состоянии.

– И неудивительно. Это же сокрушительное поражение. Мне даже страшно подумать о последствиях...

Уилмот вздохнул, но ничего на это не ответил, а сказал, продолжая нить своих собственных рассуждений:

– Вывести его из страны?! За голову короля наверняка посулят огромные деньги. О господа, что же нам делать, Тэлбот? Как спасти этого несчастного юношу?

Однако Тэлбот не смог произнести ни слова, поскольку в этот момент к ним подъехал король. Рядом с ним скакал лорд Дерби. В сумерках было трудно разглядеть лицо монарха, наполовину скрытое широкими полями шляпы. Карл молчал, а когда раздался приказ и войско опять двинулось на север, он даже не взглянул на солдат. Осадив коня на обочине дороги, он застыл в седле и, пока эскадроны шли мимо него, похоже, не обращал внимания ни на мерное цоканье лошадиных подков, ни на то, что друзья тревожно о чем-то советуются.

Еще не прошел последний эскадрон, а громкий топот копыт, приближающийся с юга, заставил сторонников Карла инстинктивно схватиться за эфесы шпаг. Но всадники скакали не стройными рядами, как имели обыкновение скакать победоносные войска Кромвеля; стук копыт был беспорядочным, лошади мчались во весь опор, и в следующую минуту королевского отряда уже не было видно, ибо он оказался в вихре кавалерии роялистов, и вечерний воздух огласился громкими криками, отрывистыми вопросами и сумбурными ответами, сливавшимися в почти неразличимый гул.

Всадников оказалось человек пятьдесят – шестьдесят, это были те, кому удалось вырваться из города после страшной заварухи на Фрайерс-стрит. В Ворчестере царила такая сумятица, что кавалеристы не могли с уверенностью сказать королю о судьбе своих отсутствующих товарищей. «Круглоголовые» захватили город, но бытовало мнение, что шотландские дворяне все еще удерживаются на Кастл-хилл; место это было неприступным, и они могли диктовать свои условия сдачи. Англичан, защищавших ратушу, разбили; кто-то видел, как смертельно раненного герцога Гамильтона несли в штаб командования. О Кливленде, Вогане, Карлисе, Хорнихолде и Слотере, вступивших в стычку с кавалерией Кромвеля, чтобы прикрыть отход короля, не было никаких известий. В конце сражения каждый был уже сам за себя, да и потом, в сумерках и в страшной кровавой каше невозможно было определить, кто жив, а кто уже лежит мертвый на окутанных смрадным дымом улицах.

У короля вырвалось рыдание.

Он воскликнул, как безумный:

– Говорю вам, мы должны вернуться! Я не перенесу этого бегства! Лучше умереть! Лучше умереть!

На мгновение воцарилась тишина, которую затем нарушил полковник Блейг, прямо заявивший:

– Момент упущен, сир. У нас теперь есть только одна возможность.

Король устремил на него горящий взор:

– Какая возможность?

– Спасти вас, сир. И, с Божьей помощью, мы это сделаем.

– Меня?! – переспросил король и нетерпеливо мотнул головой.

Но тут вмешался Дерби, который холодно произнес:

– Да, сир, вас, ибо вы олицетворяете нашу честь. Возврата быть не может. Ваше величество знает это не хуже меня.

Король отвернулся от него.

– Джордж! Гарри! – взмолился он.

– О, сир! Милорд Дерби, разумеется, прав. Здесь не может быть двух мнений! – откликнулся Бэкингом.

Уилмот подъехал к королевскому коню и прикрыл своей ладонью не защищенную перчаткой руку Карла, стискивавшую поводья.

– Увы, сир! Сами посудите, что с нами станет, если вы попадетесь к Кромвелю в лапы? Пока вы живы, еще не все потеряно. Поверьте, поверьте, мой господин, самыми страшными несчастьями для всех, кто вас любит и мечтает вновь пойти за вами в бой, были бы ваша гибель или пленение!

Рука под ладонью Уилмота напряженно замерла, но через секунду король молвил уже спокойнее:

– Извините меня, милорды. Право же, я сам не свой. Давайте поедem дальше.

Последний шотландский всадник уже покинул это место; король двинулся вслед за удалявшимися эскадронами; он сохранял хладнокровие, закутался в плащ и надвинул на брови шляпу. Лорд Тэлбот и лорд Уилмот ехали по обе стороны от монарха; Бэкингом, Лодердейл и другие приближенные короля следовали за ними; остальные были в аррьергарде и старались соблюдать хоть какую-то стройность своих рядов.

Лесли, дожидавшийся короля, чтобы посоветоваться с ним и его советниками, пристроился рядом с графом Дерби и принялся сухо и бесстрастно верить ему свой замысел. А замысел генерала состоял в том, чтобы немедленно отступить в Шотландию, и хотя гордому Дерби трудновато было согласиться с Лесли, однако он все же признал, что больше им ничего не остается. И Бэкингом, и Лодердейл, скакавшие по пятам за спутниками короля, одобрили план Лесли, но безучастный король, через голову которого велось это обсуждение, не произнес ни слова, а молча ехал вперед, вздрагивая порой от толчков теснивших его с боков лошадей, однако полностью отгородившись от их седоков. Отчаяние короля было стеной, пробить брешь в которой оказалось не под силу даже Бэкингому.

Дворяне решили следовать по маршруту, предложенному Лесли. Согласно его плану, первым пунктом назначения был Ньюпорт, город в графстве Шропшир. Лесли считал, что Кромвель, не теряя времени, бросится вдогонку за остатками королевской армии, но верил, что если поторопиться, то можно успеть перейти границу.

Он прищипил коня, догоняя своих воинов, и предоставил друзьям Карла обсудить предложенный план.

Внезапно в оживленный разговор вторгся голос короля; он звучал сдержанно, но тускло, словно, лишившись надежды, Карл лишился и жизненных сил.

– Я не поеду в Шотландию.

Эта лаконичная фраза поразила четверых собеседников, и они ошеломленно замолкли.

Спустя мгновение Бэкингом переспросил:

– Вы не поедете в Шотландию?

– Нет.

– Но... разрази меня гром, сир, что тогда остается? Вы должны там укрыться, там безопасно!

– Лучше пусть меня повесят.

Король говорил бесстрастно, но с такой решимостью, что стало совершенно очевидно: он сделал выбор.

У Лодердейла вырвался нервный смешок.

– Уж что-то, а это вам обеспечено, ваше величество! Но вы обязаны думать о своей безопасности, сир... или мы будем думать о ней за вас...

– Я уверен, что до границы мы не доберемся, это совершенно невозможно. Едва разнесется слух о нашем поражении, против нас восстанет вся страна.

– Ах, может быть, вы и правы, – признал Лодердейл. – Но я прошу ваше величество иметь в виду, что у нас здесь три тысячи всадников!

– Люди, бросившие меня тогда, когда у них все было в порядке, не послужат мне защитой, потерпев поражение, – возразил Карл.

Лодердейл не нашелся что сказать. Бэкингем, в отличие от своего господина не имевший оснований ненавидеть горе-генерала и его вояк, принялся увещевать короля, но тот заставил его умолкнуть, неожиданно резко бросив через плечо:

– Угомонись, Джордж! Я принял решение. В Шотландию я не поеду.

– Тогда, сир, мы должны сделать остановку, – сказал Тэлбот. – Я не стану утверждать, что вы неправы. На самом деле я всей душой с вами, но это тот случай, когда надо посоветоваться. Мистер Лейн! Передайте солдатам Лесли, что мы просим их остановиться.

Лейн, один из новых подчиненных Тэлбота, поскакал галопом вдоль нестройных рядов, и в считанные минуты войско застыло на месте, а король, его придворные и командир отряда сошли с дороги и устроили второпях военный совет.

Сумерки к тому времени настолько сгустились, что отличить одного человека от другого стало почти невозможно. Король, на голову возвышавшийся над всеми остальными, обратился к сонму теней.

Он сказал:

– Я все обдумал, милорды. Если мы будем по-прежнему держаться вместе, то наверняка привлечем внимание, а сил, чтобы отразить нападение противника, у нас с вами недостаточно. Единственная наша надежда на спасение – это разбрестись в разные стороны.

– Наша надежда – это вы, ваше величество, – возразил Дерби. – Важно лишь обеспечить вашу безопасность, все остальное сейчас не имеет значения.

Эта учтивая тирада, похоже, позабавила короля. В голос его закрались насмешливые интонации.

– Ерунда! Неужели кому-нибудь из вас хочется почувствовать, как затянется веревка на вашей шее?

– Да, лишь бы вы были в безопасности! – воскликнул Уилмот, пытаясь поймать и поцеловать руку монарха.

– Благодарю тебя, Гарри. Милорд Тэлбот, вы уроженец здешних мест. Скажите, есть ли у меня надежда встретить в этих краях искренних друзей, которые помогут мне спастись?

– Есть, и еще какая, сир! – не задумываясь ответил Тэлбот. – Но вам нужно будет переодеться. Я тоже размышлял над таким поворотом событий. Как отнесется ваше величество к идее притвориться простолюдином?

– Я притворюсь кем угодно, но вы, верно, уже успели заметить, милорд, что у меня странное, некрасивое лицо. Можно ли это замаскировать?

– О, лицо замаскировать куда проще, чем ваш рост, сир. Не соизволите ли вы сообщить нам свое решение? Что вы намерены предпринять? Куда поехать?

– В Лондон, – заявил король, и в его голосе зазвучали вызывающие нотки.

Это решение, как он и предвидел, вызвало бурю возражений. Некоторые сочли его фантазией обезумевшего юноши; другим оно показалось вполне здравым, но не выполнимым. В темноте раздавались мольбы оставить замыслы, сулящие столько горя, довериться Лесли, подумать о трудностях, с которыми придется столкнуться, и послушаться людей, умудренных годами и опытом.

Тэлбот был единственным, кто колебался до тех пор, пока Уилмот вдруг не произнес слегка дрожащим, негромким голосом:

– Я согласен с вами, сир. И буду сопровождать вас.

Известный сорвиголова Бэкингом почувствовал себя уязвленным и недобро рассмеялся.

Уилмот зарделся во тьме: он-то прекрасно знал, что душа у него ушла в пятки.

Однако повторил:

– Я последую за вами, сир. Мы поедем в Лондон, ведь им и в голову не придет искать вас там; а в Лондоне есть верные друзья, которые переправят вас обратно во Францию.

– Вы меня изумляете Уилмот, честное слово! – процедил сквозь зубы Бэкингом.

– Вам не следовало бы забывать, милорд, что я на пятнадцать лет старше и опытнее вас, – парировал Уилмот.

– О, замолчите! – прервал их перебранку король. – Вам не о чем спорить, мои дорогие друзья. Решение мной принято. И теперь я в ваших руках, лорд Тэлбот.

– Мы должны известить об этом Лесли, – сказал Тэлбот и, снова подозревая к себе корнета Лейна, приказал ему скакать во весь опор по дороге и оповестить отступавших шотландцев.

Дерби произнес с явным неудовольствием:

– Ваше величество едва ли задумывались о том, что означает сей план! Переодевшись в платье простолюдина, вы будете обречены вести себя в полном несоответствии с вашим происхождением, воспитанием и высоким положением! Ваше величество не знает... и не может знать...

– Милорд, мой дорогой милорд! – прервал его король. – Мое величество вовсе не такое рафинированное, как вам кажется, поверьте.

– Сир, вы король!

– Я, может быть, и король, – ответил Карл, – но имею представление о том, как живут нищие.

При столь откровенном напоминании о финансовых затруднениях короля Дерби, дворянин старой закалки, немного напрягся.

Король попытался взглянуть в лица окружавших его людей.

– Ну, так что милорды?

Бэкингом во всеуслышание зевнул:

– Возлюбленный государь, вы сказали нам, что уже приняли решение. Мы ждем ваших приказаний.

– Мне осталось отдать лишь одно. Заботьтесь отныне только о себе. Вы более ничего не в силах для меня сделать, а за то, что уже сделано, я от души благодарю вас, милорды. Я этого не забуду.

– Тогда позвольте нам, ваше величество, сначала препроводить вас в безопасное место, а уж потом мы позаботимся и о себе, – молвил полковник Блейг.

– Но где мы найдем такое место? – спросил Бэкингом.

Дерби нерешительно произнес:

– Ежели ваше величество твердо намерены следовать принятому решению, то я знаю один дом, где вы можете по меньшей мере на день обрести надежное убежище. Он стоит особняком, и в нем живет очень порядочный человек, один из пяти братьев, которые недавно приютили меня – после разгрома моих войск под Виганом. Милорд Тэлбот, вам, должно быть,

известно это место. Я говорю об охотничьем домике под названием Боскобел; он расположен в приходе Тонг, в Шропширском графстве, и принадлежит, как мне сказали, Гиффардам.

– Один из Гиффардов сейчас со мной, – сказал Тэлбот. – Но отсюда до Тонга добрых сорок миль! – усомнился он, опасаясь за короля, который с раннего утра почти весь день провел в седле.

– Меня это вполне устраивает, – решительно заявил Карл. – Вы можете проводить меня туда, лорд Дерби?

– Я бы не отважился, сир. В такой темноте только уроженец здешних мест может надеяться не сбиться с пути.

– Позовите сюда мистера Чарльза Гиффарда! – распорядился Тэлбот.

Но еще до появления мистера Гиффарда к ним подскочил Лейн в сопровождении генерала Лесли, который, судя по его голосу, был не в духе. Однако Лесли вежливо обратился к королю, предупредил его, что медлить опасно, и попросил не отставать от войска. Когда же он услышал, что Карл принял решение следовать своим путем, Лесли был сперва потрясен, а потом впал в холодное бешенство. Он в самых резких выражениях осудил взбалмошное решение короля и так язвительно отозвался о советниках, которым нельзя доверять, что в груди английских лордов всколыхнулась доселе подавляемая враждебность к чужаку, и даже те, кто горячо убеждал короля бежать в Шотландию, теперь поддержали его решение остаться в Англии.

Слушая желчную перепалку Лесли и Бакингема, король с некоторой горечью сказал лорду Тэлботу, что, когда было нужно, монарху не удалось заставить конницу Лесли схлестнуться с противником, а теперь, когда король решил отвязаться от шотландцев, это никак не получается.

У короля был звонкий голос, и поскольку он его не потрудился понизить, нелицеприятные слова немедленно дошли до ушей Лесли.

Он напряженно выпрямился в седле и молвил:

– Во всяком случае ваше величество можете быть спокойны, что мы доставим вас целым и невредимым в безопасное место!

– Я предпочел бы жить своим умом, – ответил Карл.

– Ваше величество ставит меня в крайне затруднительное положение. По долгу чести я обязан охранять вас.

На лице короля появилась грустная усмешка.

Казалось, Лесли увидел ее, несмотря на темноту, и сказал, с трудом выдавливая из себя каждое слово:

– Ваше величество винит меня в том, что никто не мог предотвратить. Если б моя смерть что-либо изменила, я бы с радостью распрощался с жизнью.

– Но толку от этого все равно не будет, – вздохнул Карл. – Я не поеду с вами в Шотландию, генерал.

– Я прошу ваше величество еще раз обдумать свое безрассудное решение. – Лесли отдал королю честь и уехал, не произнеся больше ни слова.

Король посмотрел на своих защитников: в темноте ему были видны лишь их смутные силуэты.

– Тот, кто хочет попытать счастья и намерен бежать в Шотландию, может покинуть меня и последовать за генералом Лесли, – отчетливо произнес Карл.

Никто не шелохнулся.

– Ваше величество, это ответ, – сказал Тэлбот.

Глава 2

Уайт-Ледис

В следующую минуту к дворянам подъехал корнет Лейн, за которым следовал Чарльз Гиффард. Тэлбот подозвал к себе Гиффарда и подвел его к королю. Гиффард торжественно, даже благоговейно заверил короля в своей преданности. Тэлбот вкратце рассказал ему о ближайших намерениях короля, и Гиффард после недолгого размышления пообещал выполнить роль королевского проводника.

– Вы приютите меня в своем доме? – спросил король. – Советую хорошенько подумать, я могу оказаться опасным гостем.

Это откровенное предупреждение, похоже, изумило Гиффарда.

Он опять помолчал – на сей раз, правда, лишь подыскивая слова, которые никак не подыскивались.

– Сир... все, что у меня есть... все, что мой дядя считает своей собственностью... это к услугам вашего величества. Чиллингтон... дом моего дяди конфискован, а дядя до сих пор томится в темнице, иначе я отвел бы ваше величество туда, а не в убогий охотничий домик.

– Я бы не позволил его величеству поехать в Чиллингтон, – решительно заявил Дерби. – Боскобел – гораздо большая глушь, и там, соответственно, меньше вероятность обыска. Но вы уверены, что сможете препроводить туда его величество в такой крошечной тьме?

– Да, милорд. Со мной здесь слуга Йатс, а он, смею заметить, найдет дорогу даже с завязанными глазами, ведь Йатс родом из Шропшира.

– Кто-нибудь знает, где мы сейчас находимся? – поинтересовался король.

Мистер Гиффард знал:

– Я полагаю, мы в лиге от Хартлбери, сир. Нам нужно миновать Киддерминстер и двинуться по направлению к Химли, а там, если ваше величество не возражает, мы повернем на запад и удалимся от большой дороги.

– Я не возражаю, – кивнул король. – А скажите, мистер Гиффард, каким путем намерены следовать отряды Лесли?

– Они пойдут по большой дороге, сир.

– Тогда уведите меня с нее, – приказал король, – потому что я твердо решил ускользнуть от шотландцев, пока им не взбрело в голову приставить ко мне охранников. Вы можете выполнить мое желание?

– Да, сир, – ответил Гиффард. – Но для этого Киддерминстер должен остаться слева от нас, а наш путь будет лежать не через Киддерминстер, а через Стурбридж.

– Мистер Гиффард, я ваш должник. Пойдемте!

– В добрый час! – сказал Лодердейл. – Но смотрите, больше нигде задерживаться нельзя!

– Дай бог, чтобы этот парень не завел нас неизвестно куда! – пробормотал Тэлбот, обратившись к Уилмоту, когда кавалькада двинулась в путь. – Нам еще предстоит проехать сорок миль, а ведь ночь на носу!

– Уж вы бы помолчали, – резко оборвал Тэлбота Лодердейл, который, полностью разделяя ненависть короля к партии «Ковенанта»¹, правящей в Шотландии, весьма сожалел о том, что Карл отказался пробираться к шотландской границе, и в связи с этим был очень раздражен. – Да-да, помолчите, Тэлбот, ведь это вы отдали нас во власть сих господ!

¹ «Ковенант» (англ. covenant – соглашение) – в XIV–XVII вв. название соглашений сторонников Реформации в Шотландии для защиты пресвитерианской церкви и национальной независимости.

Спустя милою дорога разветвлялась, и Гиффард, который ехал вместе со своим слугой впереди короля, свернул направо. Число всадников уменьшилось, ибо некоторые из них были так тяжело ранены в последнем бою за Ворчестер, что не смогли больше держаться в седле и оказались вынуждены просить приюта в деревнях. Но, в основном, отряд сохранился, всадники держались поближе друг к другу и ехали мерной рысцей. Никто не отваживался вырываться вперед, поскольку стемнело уже настолько, что нельзя было различить круп ближайшей лошади. Слуга Гиффарда достал фонарь, и его тусклый свет лишь слегка освещал дорогу, скорее напоминающая этакий буй, маячивший перед отрядом, словно неяркая путеводная звезда.

Местность была холмистой, на дороге то и дело попадались рытвины, в которых стояла грязная вода. Вокруг царил такая тишина, что цоканье лошадиных подков и часто раздававшиеся всплески воды звучали неестественно громко. Время от времени в темноте внезапно вырастали силуэты огромных деревьев, однако по большей части путь лежал через открытую местность, где постоянно дул холодный ветер, грозивший дождем и несший с собой уныние.

Уже пробило одиннадцать, когда появились первые редкие домишки, и путники поняли, что они приближаются к Стурбриджу. Лишь кое-где в окнах верхних этажей горели огни. На мгновение отряд остановился, и было решено пройти через город шагом. Всадники двинулись по спящей главной улице, стараясь идти как можно тише, чтобы никто из жителей не проснулся и, высунувшись в окно, не увидел спасающегося бегством короля.

Лорд Тэлбот догнал монарха и с тревогой спросил:

– Как вы себя чувствуете, ваше величество?

– Хорошо, – откликнулся король, отвлекаясь от своих мыслей.

– Вы столько времени провели в седле, – с состраданием произнес Тэлбот. – Мне бы хотелось...

– Я не устал, а только проголодался, – сказал король, и по его лицу промелькнула тень усмешки.

Лорд Тэлбот с ужасом вспомнил, что король с утра не притрагивался к пище, только позавтракал – и все. То, что у самого Тэлбота и, вероятно, у большинства его спутников ровно столько же времени во рту не было ни крошки, казалось ему совершенно неважным.

Тэлбот обратился к лорду Уилмоту, чья грузная фигура маячила позади короля:

– Гарри, нужно раздобыть еды для его величества!

– О, дьявол! Где я ее раздобуду? – сонным голосом пробормотал Уилмот. – Вы очень голодны, сир?

– Я готов съесть целого быка, – честно признался король.

– Прикажите раздобыть быка для его величества, – прошептал Бэкингом, который ехал за ними по пятам.

Король рассмеялся, но Тэлбот слишком устал и не увидел в словах герцога ничего смешного.

– Мы не смеем позволить вашему величеству задержаться в городе, – возразил он. – Господи, как бы мне хотелось знать, где можно сделать привал, не тревожась за вашу безопасность!

– Не тревожась? – криво усмехнулся Уилмот. – Нигде!

– Надеюсь, вы ошибаетесь, – вмешался король. – Ибо если это не так, я, считайте, уже покойник.

Перед глазами троих его собеседников возник, правда, не образ виселицы, а призрак топора.

Какое-то время никто не произносил ни слова. Наконец король бодро повторил:

– Но я думаю, вы ошибаетесь.

Они уже выехали из города и снова пустили лошадей рысью. В миле от того места, у подножия крутого холма одиноко стоял у дороги какой-то дом. Вывеска, раскачивавшаяся на скрипучих цепях, гласила, что это постоялый двор, и путники решили здесь остановиться.

Хозяин крепко спал и, когда его разбудили громким стуком в дверь, высунул голову из окна верхнего этажа и ворчливо спросил, кто пожаловал. Его с трудом уговорили сойти вниз, и, отперев дверь, он был поражен, увидев при свете фонаря конный отряд. Он услышал скрип седельных ремней, звяканье шпор спешивавшихся всадников и, подняв фонарь повыше, боязливо взгляделся в лица мужчин, разминавших затекшие руки и ноги... затем с опаской покосился на усталых, взмыленных лошадей и, главное, на человека, сидевшего верхом на большом сером мерине. В призрачном свете фонаря король показался ошеломленному хозяину постоянного двора таким гигантом. Хозяин побледнел и, выпучив глаза, уставился на него.

Почувствовав на своем плече руку Дарси, бедняга подпрыгнул и принялся, запинаясь, протестовать и лепетать что-то бессвязное.

– Разрази меня гром! Бедный малый, должно быть, принял нас за шайку головорезов! – воскликнул король. Он слегка подался вперед и спросил: – Друг, ты можешь накормить и напоить нас?

Хозяин обвел взглядом отряд, смутно маячивший в темноте, и опять выпучил глаза от ужаса. Он замотал головой, но затем, ободряемый лордом Тэлботом, все же обрел дар речи... правда, лишь для того, чтобы заявить: его припасов не хватит для такой компании. И даже одного-единственного гостя он все равно не в состоянии накормить. В конце концов он вынес эль и краюху хлеба, которые Бэкингом протянул королю со словами:

– Ваш бык, сир.

Король жадно впился крепкими белыми зубами в хлебную корку. Пока он поедал хлеб, некоторые из его спутников воспользовались удобным случаем и потуже перевязали свои раны, а другие осаждали хозяина постоянного двора, требуя дать им еще эля. Лорд Тэлбот, которому не терпелось увезти короля подальше от Кромвеля, стоял возле своей лошади и молча дожидаясь, скрывая нетерпение, пока король съест все до последней крошки. Король допил эль, бросил в кружку золотую монету и протянул ее Дарси, застывшему возле его стремени.

Тэлбот вскочил на лошадь и сказал:

– Мы не можем терять времени, сир. Надо ехать дальше.

Подковы застучали по каменистой дороге; хозяин постоянного двора с любопытством глядел вслед отряду, постепенно исчезающему в ночи, затем остался один-одинешенек и, сжимая в руке кружку, отданную королем, прислушивался к затихавшему вдали цоканью копыт и вдыхал все еще витавший в воздухе запах кожи и лошадей.

Королевский отряд поехал в темноте вперед. По дороге то лошадь оступалась, угодив копытом в рытвину, то кто-нибудь из всадников чертыхался, то задремавший от усталости седок вздрагивал, резко просыпаясь... Порой они сбивались с дороги и находили ее опять лишь после остановки, которая стоила им немалых треволнений. Покинув постоянный двор, король милую-другую ехал довольно бодро и был оживлен, но очень скоро замолчал и так глубоко задумался, что, когда Уилмот заговорил с ним, похоже, даже не услышал...

Изредка из-за туч выглядывали звезды; один раз с фермы, притулившейся за склоном небольшого холма, донесся собачий лай.

Они преодолевали милую за милей; вот уже позади остались Химли и Вомбурн, и дорога свернула на запад, к деревушке Аппер-Пенн. Здесь Чарльз Гиффард предложил сделать привал, и его слуга Нате встал во главе отряда. Они ступили на такую узкую тропинку, что по ней с трудом могли проехать два всадника. Тучи немного развеялись, и звезды тускло освещали путь. Был такой момент, когда Тэлбот резко окликнул Иатса и поинтересовался, уверен ли тот, что они следуют в правильном направлении...

У селения, которое, по словам Иатса, называлось Уайтвик, тропинка пересекалась с дорогой на Бриджнорт и Вулверхэмптон. Они свернули на нее, и растянувшаяся было вереница всадников вновь подобралась, поскольку по этой дороге можно было ехать не вдвоем, а вчет-

вером. Лошади к тому времени уже спотыкались от усталости, несколько коней захромало, однако их все равно заставляли идти вперед.

Йатс снова увел отряд в сторону от большой дороги, на другую тропинку, тянувшуюся вдоль насыпей и проломанной во многих местах живой изгороди.

– Дай бог, чтобы этот парень действительно знал, куда он нас ведет! – пробормотал Бэкингом, подъехавший к королю и занявший место Уилмота. – Проклятье, до чего же тут воняет коровьим навозом! Вы еще не заснули, сир?

– Я совсем не хочу спать, – ответил король.

– Господи, да вы не человек, а полубог! – восхитился Бэкингом.

Он перебрал поводья в правую руку и положил левую на колено короля.

– Может, мне поехать с вами, кузен? – тихо спросил герцог.

– Нет. Спасайте свою жизнь, Джордж. Мне лучше остаться одному.

– Вы не можете путешествовать в одиночку: вам должен кто-то прислуживать. Вы же король!

– Я оставляю при себе Гарри.

Бэкингом убрал руку.

– Вы прекрасно знаете, что Уилмот любит опасность лишь до тех пор, пока не столкнется с ней вплотную, – прошептал он. – Почему вы выбрали его? Неужели вы сомневаетесь во мне?

– Нет, – устало отозвался король.

– Если бы вы доверили мне сегодня командование войском, вам не пришлось бы теперь спасаться бегством!

Король промолчал. Бэкингом, которому было хорошо известно, что означает это угрюмое молчание, приотстал и позволил Дерби подъехать к королю.

– Я могу доверять людям, к которым вы меня везете? – отрывисто спросил Карл.

– Я верю, что они преданы вашему величеству душой и телом. Гиффард сказал, что наш провожатый приходится им шурином. Они бедные католики, и у них нет причин любить сектантов. Мне они показались людьми честными. И, вдобавок ко всему, в доме у них есть тайник, где ваше величество может укрыться.

Король кивнул и не промолвил больше ни слова. Тропинка, извилистая и очень неровная, неожиданно нырнула в темный лес. Слабый серый свет, забрезживший на востоке, намекал на то, что не за горами заря. Заметив это, Гиффард обеспокоенно заговорил о чем-то со своим слугой. В конце концов он попросил короля сойти с тропинки и углубиться в леса и поля.

– Скоро рассвет, сир. Ваше величество не должны увидеть с таким эскортом. Я поговорил со слугой, и, если ваше величество соизволит следовать за нами, мы отведем вас в другой дом, не столь уединенный, как Боскобел, но, смею заверить ваше величество, не менее надежный.

– А он далеко? Где? – потребовал ответа Дерби.

– Всего лишь в шести-семи милях отсюда, милорд. Я говорю про особняк в поместье моего дяди, он называется Уайт-Ледис, «Белые дамы». Это мой родной дом, кроме меня там живет мой родственник, который предан его величеству, а также Джон и Джордж Пендерелы, которых вы, милорд, знаете.

– О! Двое из пяти честных братьев? Что ж, мы внемлем вашему совету... ежели его величество пожелает.

– Поступайте, как вам угодно, – сказал король. – Я хочу лишь поскорее слезть с седла.

– Вы только доверьтесь мне, сир! – воскликнул Гиффард, удрученный тем, что в голосе короля звучала такая усталость.

– Я вам доверяю! Ведите нас, мой добрый друг.

Молвив это, король подхлестнул замершего было в нерешительности коня и вместе с Гиффардом въехал на опушку леса.

Сперва им было трудно пробираться из-за того, что земля поросла папоротником, да и порой какой-нибудь незадачливый дворянин зацеплялся шляпой за низко нависавшую ветку, незаметную во мраке. Но немного погодя лес начал редеть, деревья расступились, и показалась открытая холмистая местность, простиравшаяся к северу. Король и его спутники поднимались на пологие холмы, спускались в плодородные долины, пробирались сквозь проломы в шатких изгородах, переходили вброд разлившиеся реки и больше всего опасались, как бы на рассвете их не обнаружил какой-нибудь крестьянин, отправившийся спозаранку разгрести навозные кучи.

Горизонт уже осветился, когда королевский отряд вновь добрался до густого леса. И тут король впервые не смог удержать коня, когда тот споткнулся.

Однако серый мерин все же встал на ноги, а король пробормотал, слабо усмехнувшись:

– Позор на мою голову! Я, должно быть, задремал.

– Крепитесь, сир! – подбодрил его Гиффард. – Вот нужный нам дом, прямо перед вами.

– Слава богу! – воскликнул Дерби, скакавший рядом с королем. – Его величество совсем обессилел.

– Не больше, чем вы, милорд, – попытался отшутиться король.

Особняк Уайт-Ледис, до половины обшитое деревом здание, возвышался рядом с разрушенным монастырем; он имел квадратную форму и был обнесен стеной, к которой когда-то пристроили старую сторожку с островерхой крышей. Фрэнсис Иатс уже спешил и постучал в крепкие дубовые ворота.

Резные ставни распахнулись, из окошка высунулась голова, и сонный голос спросил:

– Кто тут?

– Это я! Фрэнсис! – крикнул Иатс. – Спустись к нам, Джордж Пендерел, спустись вниз, дружище, ипусти нас.

– Что стряслось? Кто с тобой?

– Пошевеливайся! Это король! – воскликнул Иатс.

– Король?! – В голосе собеседника зазвучало изумление, затем он затараторил: – Иду! Иду! Боже милостивый...

Голова исчезла, а несколько мгновений спустя в доме вспыхнул свет... вспыхнул – и погас. На лестнице раздались шаги; засовы и цепи завизжали и заскрежетали. Дверь открыл полураздетый мужчина в рубахе и серых бриджах, в руке он держал фонарь.

Король въехал в ворота и, очутившись во дворе, неловко спешил. Вслед за ним въехали его спутники, и в конце концов двор, часть которого была ухожена, а часть заросла бурьяном, буквально кишел людьми и лошадьми.

В доме распахнулись ставни, и резкий женский голос потребовал объяснить, что случилось, почему так шумно. Иатс крикнул – ему пришлось кричать, потому что лошади били копытами и иначе его не было слышно, – что приехал король и что миссис Эндрюс должна немедленно спуститься вниз и ввести его в дом.

– Это очень надежная женщина, сир. Она служит здесь экономкой, – объяснил королю Гиффард.

Миссис Эндрюс ахнула и громко запричитала:

– Значит, все потеряно! Погодите, я только юбку надену. Сейчас спущусь! Будь проклят тот день, когда ваше благословенное величество были вынуждены направить свои стопы сюда, ведь я прекрасно понимаю, что это означает!

Женщина отпрянула от окна, но к тому времени все остальные обитатели дома уже пробудились, и через пару мгновений дверь открыл мужчина, накинувший вышитый плащ поверх ночной рубахи и всунувший ноги в какие-то старые башмаки. Он держал в высоко поднятой руке подсвечник и являл собой такое смешное зрелище, что король расхохотался.

Чарльз Гиффард поспешно произнес:

– Джордж! Это король.

Изумленный Джордж уставился на своего родственника, рука, державшая подсвечник, задрожала, и немного воска пролилось на пальцы. Боль, хотя и не сильная, привела ошеломленного Джорджа в чувство. Он пошире распахнул дверь и попытался поклониться, запахивая плащ и одновременно стараясь держать свечу покрепче.

– Ваше величество! – пролепетал он. – Прошу прощения... вы меня застали врасплох!

Тот же самый визгливый голос, что окликнул всадников из окна, теперь зазвучал на лестнице. Миссис Эндрюс тяжело спустилась вниз и пошла по просторному вестибюлю, на ходу бранясь и одновременно отдавая приказания: «Олухи, сейчас же впустите его величество в дом! Неужели никто сам не сообразит, что нужно развести в очаге огонь? Ну почему бедная женщина должна успевать повсюду, а у мужчин в этом доме куриные мозги?»

Она вырвала из рук Джорджа Гиффарда подсвечник, поставила его на стол и принялась делать реверансы при виде входящего в дом короля, за которым следовали Дерби, Тэлбот, Лодердейл, Уилмот, Бэкингам и прочие приближенные монарха. В большой прихожей вдруг стало тесно. Мальчик, тихонько спустившийся до середины лестницы, чтобы поглазеть на неожиданных гостей, потер заспанные глаза, словно пытаясь прогнать тревожный сон: в дрожащем пламени свечей перед его взором расплывалось множество лиц... Он никогда не видел столько благородных господ сразу, и даже усомнился: а не во сне ли это происходит? По каменному полу громко звякали шпоры, португеи ударялись о мебель. Повсюду, куда бы мальчик ни повернулся, он видел украшенные перьями шляпы, завитые локоны, богато расшитые пояса и тонкие кружева. Затем Бартоломью заметил, что миссис Эндрюс кланяется мужчине, который на полголовы возвышается над всеми остальными, и, выпучив глаза, смотрел, как эта особа, внушавшая окружающим благоговейный ужас, осыпает поцелуями протянутую ей белую руку. А когда мальчик услышал ее слова: «Благослови Господь ваше величество», он снова потер глаза, потому что подумал: нет, у короля должны быть корона и мантия, а не выпцветший кожаный плащ, забрызганный грязью, как у этого высокого господина, у которого только одна голубая лента и большой, сверкающий драгоценностями орден на груди служили знаком его отличия от остальных людей, пожаловавших в дом.

Потом король скрылся из виду: мисс Эндрюс увела его в гостиную, и пораженный мальчик снова увидел нечто несусветное. В дом ввели большого серого коня, который был по брюхо в грязи. Жадно вслушиваясь в обрывки фраз, Бартоломью понял, что это королевский конь, и предположил, что королевских лошадей, должно быть, полагается устраивать лучше, чем всех прочих. Но вскоре до него дошло, что по какой-то причине лошадь короля не должна показываться во дворе возле дома. Мистер Джордж Пендерел забросал вопросами благородных господ, и Бартоломью, припав к перилам и подавшись вперед, чтобы получше слышать, смог уловить из бессвязных слов и сумбурных восклицаний, что где-то было большое сражение, которое окончилось поражением короля, и теперь враги его ищут, а виноваты во всем почему-то шотландцы.

Но дольше задержаться на лестнице мальчику не удалось, ибо в вестибюль ворвалась миссис Эндрюс и, едва заметив Бартоломью, послала его за дровами для камина, который она растопила в гостиной.

Когда мальчик робко вошел туда со своей ношей, он обнаружил, что в комнате полно благородных господ, которые жадно поглощают печенье, запивая его белым вином. И замер, не отваживаясь подойти к камину. Господа разговаривали о чем-то с очень серьезным видом, и все стояли, за исключением короля, который сидел в кресле у камина, откинувшись на деревянную спинку, обернутую его плащом. В одной руке у него было печенье, а в другой – оловянная кружка. Бартоломью это совершенно шокировало, поскольку даже младенцам было известно, что король ест с золотых тарелок и каждый раз вкушает мясо. А еще король был очень голоден и разговаривал с набитым ртом. Встав на колени возле очага и по-прежнему

прижимая к груди вязанку дров, Бартоломью уставился на смуглое лицо с резкими чертами, обрамленное спутанными черными локонами, и понял, что король, как это ни невероятно звучит, тоже живой человек, который может испытывать голод и жажду, быть усталым и грязным, как все люди.

Когда мальчик опустился на колени возле камина, не сводя с короля изумленного взора, монарх тоже посмотрел на него. Бартоломью заглянул в темные глаза с тяжелыми веками... король посмотрел на него без особого любопытства, а затем перевел взгляд на дородного господина, стоявшего рядом с креслом.

Бартоломью принялся подкладывать дрова в камин и раздувать слабое пламя. Услышав голос Джорджа Пендерела, который то и дело приговаривал: «Да, милорд»... «Нет, милорд», мальчик повернул голову и взглянул на него через плечо. С Джорджем беседовал статный, горделивый господин, которого король называл лордом Дерби. Похоже было, что Джорджу велят немедленно отправиться, соблюдая строжайшую тайну, в Хоббал-Грендж и привести к королю своего брата Ричарда. Мальчик подумал, что это очень странно. Ну зачем королю бедный дровосек? Вероятно, Джордж тоже недоумевал; он напряженно глядел на лорда Дерби и беспокойно теребил в руках шляпу. Затем из разговора стало ясно, что нужно привести и Уильяма Пендерела, живущего в Боскобеле. А потом случилось нечто, от чего у мальчика душа ушла в пятки.

Высокий мужчина указал на него и повелительно произнес:

– Пошлите за Уильямом паренька. Ручаюсь, он быстро приведет его сюда.

Бартоломью показалось, что все повернулись к нему. Он зарделся, по-прежнему стоя на коленях, и поправил челку на лбу: его учили так делать, когда к нему обращаются благородные господа.

Дерби сказал:

– Риск слишком велик. Мальчик его возраста не умеет держать язык за зубами. В доме есть священник, лучше пошлем его!

– А я бы предпочел послать шустрого мальчишку, а не старика, милорд, – возразил полковник Роскеррок. Он кивнул Бартоломью и сказал: – Вставай, мальчик! Как далеко отсюда Боскобел?

Бартоломью неуклюже поднялся на ноги и робко проямлил:

– Уж миля-то будет.

– Миля, говоришь? А ты смог бы найти туда дорогу впотьмах?

– Ага.

– Хочешь заработать серебряный шиллинг?

– Ага.

– Так вот, это очень легко сделать. Как можно скорее доберись до Боскобела и скажи Уильяму Пендерелу, чтобы он поспешил сюда, ибо он нужен королю.

– Да вы что, с ума сошли? – воскликнул Дерби. – Вы с таким же успехом можете растрезвонить на всю округу, что король здесь!

– Постыдитесь, вы же обижаете мальчика! – перебил их король.

Он посмотрел на Бартоломью и поманил его указательным пальцем.

– Пойди сюда, мальчик. Как тебя зовут?

– Бартоломью Мартин... к услугам вашего величества, – откликнулся Бартоломью, неловко кланаясь.

– Ты хочешь услужить мне, Бартоломью?

– Еще бы, ваше величество! – Мальчик заметил в глазах короля усмешку и решительно добавил: – Хочу!

– Тогда ты должен выполнить приказ этого господина: пойти к Уильяму Пендерелу и сказать ему, что он мне нужен. Но только никому больше не рассказывай, что видел короля.

Если встретишь кого-нибудь из соседей, скажи, что идешь по поручению мистера Гиффарда. Ты меня понял?

– Ага. За вами гонятся враги, ваше величество... Шотландская шваль, – добавил мальчик, смутно припоминая обрывки разговоров, подслушанных в прихожей.

Взрыв хохота окончательно смутил Бартоломею; он опустил взъерошенную голову и выбежал вон из комнаты.

Уилмот, стоявший возле кресла короля, обошел вокруг него и опустился на одно колено, схватившись изящной рукой за спинку кресла.

– Дорогой сир, вы действительно намерены ехать в Лондон? – спросил он.

– А как ты думаешь, Гарри?

– Ну... мне это по душе, раз вы позволили мне ехать вместе с вами. А кто еще поедет?

– Никто.

– Никто!

Уилмот на секунду задумался, лицо его было непроницаемо. Затем он усмехнулся:

– Как вам больше нравится... Но сами посудите, мой господин, вы же не привыкли сами за собой ухаживать. Как вы с этим справитесь?

– Я полагаю, прекрасно. Но мне нужно избавиться от этих украшений. – Король слегка шевельнул рукой, указывая на расшитую золотом ленту и бриллиантовую звезду, сверкавшую у него на груди.

Словно услышав эти слова, хотя они были произнесены вполголоса, Дерби подошел к ним с другого конца комнаты и поинтересовался:

– Сир, если вы твердо решили переодеться в платье простолюдина, то, может быть, мне следует послать Ричарда Пендерела на поиски подходящих вещей? Вы не можете уехать отсюда в своей одежде, это вызовет пересуды.

– Да, пошлите, – ответил король. – Но заклинаю вас, милорд, не забудьте о моем росте!

– К счастью, Уильям Пендерел тоже высокого роста... даже, пожалуй, повыше вашего величества. Я посоветуюсь с Ричардом, когда он вернется.

Дерби вышел из гостиной и направился в прихожую. Король попросил налить ему еще вина, если оно осталось. Бэкингом с особым, присущим только ему одному изяществом пересек комнату и наполнил кружку монарха вином из массивного кувшина. После чего замер у кресла Карла, глядя на него с легким беспокойством.

Король прошептал:

– Что такое, Джордж?

Бэкингом отдал кувшин полковнику Блейгу и, опустившись на колени перед королем, схватил его за обе руки.

– Сир... нет, брат мой Карл! Позволь мне поехать с тобой! – неожиданно взмолился он.

Его прекрасное, довольно дерзкое лицо вдруг смягчилось; он принялся упрашивать короля; низкий голос Бэкингема звучал очень убедительно, в глазах, опущенных густыми ресницами, было несказанное очарование юности.

– Разве мы не росли вместе? Разве не говорили, что когда-нибудь вместе отправимся на поиски приключений?

Карл, я именно тот, кто тебе нужен! Ты знаешь, я умру за тебя... точно так же, должно быть, и мой отец был готов умереть за твоего. Не прогоняй меня!

Король убрал свою руку:

– Благодарю тебя, благодарю! Но я уже принял решение.

– Король прав, – вмешался Тэлбот. – Теперь вся его надежда на простых людей, а не на нас. Мы больше поможем ему, если оставим его одного.

– Да, хотя все мы готовы умереть за ваше величество, – сказал глубоким, грудным голосом полковник Блейг. – Но от нашей гибели вам не будет никакого проку. И все же... если кто-

нибудь из нас попадет к Кромвелю в лапы... – Он запнулся, нахмурился, а затем продолжил, глядя в глаза королю: – Сир, не говорите никому из нас, куда вы намерены направиться. Пусть каждый знает лишь то, что мы оставили вас здесь.

Бэкингом вскочил на ноги:

– Вот это наглость! И кого же вы считаете предателем, Том Блейг?

– Под пыткой, – решительно произнес полковник, – люди могут сказать то, чего никогда не собирались рассказывать.

На мгновение воцарилось молчание.

Затем Роскеррок сказал:

– Это хороший совет, сир.

Дарси медленно поставил на стол свою кружку.

– Что это значит? – ошеломленно спросил он. – Но вы же не можете уехать один, сир! Возьмите хотя бы кого-нибудь из своих приближенных!

Король с нежностью посмотрел на Дарси:

– Не могу, но должен, герцог.

– Сир! – Это восклицание сорвалось сразу с нескольких уст.

Арморер, Мэй, Стрит – все ринулись к королю.

Карл встал с кресла и потянулся.

– Нет, я никого из вас не возьму, – сказал он и сонно огляделся. – Что же мне делать? Я полагаю, мне следует уйти отсюда до рассвета.

Дерби – он уже снова вернулся в гостиную – сказал:

– Ричард Пендерел уже успел побывать здесь. Я послал его за одеждой для вашего величества.

– Значит, он готов рисковать ради меня жизнью? – изумился король. – Кто же такой этот дровосек, готовый на все ради человека, которого он даже никогда не видел?

– Он честный малый, ничем особенно не выдающийся, – ответил Дерби.

– Ерунда, я думаю, только замечательный человек будет играть в кошки-мышки со смертью ради моего спасения! – возразил король.

Он снял свою ленту и протянул ее Дарси. Потом отколол от плаща орден Георга и отдал его полковнику Блейгу, который случайно оказался ближе всех к королю.

– Вот, Том, возьми и сохрани его для меня, – сказал король.

Блейг взял орден и завернул его в носовой платок.

– Благодарю, ваше величество, – прочувствованно произнес он.

– Надеюсь, тебя из-за него не повесят! – заметил король, которому вдруг захотелось пошутить.

Он снял с пальца кольцо, положил рядом с ним на стол золотую цепь, вынул из кармана часы и зажал их в руке.

– Кто хочет взять на сохранение мои часы? – спросил Карл.

– Это дело серьезное, сир! – сказал Тэлбот, стараясь говорить как можно веселее. – Уверен, если какой-нибудь бедолага их потеряет, не сносить ему головы!

– Дайте мне эти часы, сир! – Уилмот протянул руку.

– Тебе, Гарри? Нет, это не пойдет. Ты ведь тоже должен переодеться, а такая вещица совсем не вяжется с лохмотьями бедняка.

Уилмот покачал головой:

– О нет, только не я, сир! В лохмотьях я буду похож на пугало, поверьте!

– Но так безопаснее, – вмешался Тэлбот.

– О, вы полагаете? – усмехнулся Уилмот, беря из рук короля часы и кладя их в карман. – А я уверен, что в округе сейчас полным-полно наголову разбитых сторонников его величества,

и мое появление не вызовет никаких пересудов. Да и потом, я же не умею играть роль простолюдина!

– А вы считаете, его величеству легко войти в эту роль? – с расстановкой спросил Уилмота Бэкингом.

Король подозвал к себе Дарси, чтобы тот помог ему снять плащ, и с усмешкой попросил:

– Гарри, не надо меня шадить! Ну, скажи, что я чертовски безобразен и вполне сойду за человека низкого происхождения!

– Вы это серьезно, милорд? – воскликнул Блейг, обращаясь к Уилмоту. – Неужели вы намерены сопровождать его величество в таком костюме? Ведь он сразу же выдаст ваше высокое положение!

– Ах, оставьте! – поморщился король. – Я пойду один. Милорд Уилмот будет держать со мной связь, и не больше того.

Он вытряхнул на стол свою сумку и принялся складывать в маленькие кучки золотые монеты.

– Я не должен иметь при себе золото. Мои приближенные получают по наследству все это богатство. Вот! Никогда не говори, что ты не получал от меня денег, герцог!

Люди, знавшие короля лучше остальных, рассмеялись, а Дерби вмешался и серьезно сказал:

– Сир, вы должны поспешить. Я слышал от Пендерела, что всего в трех милях отсюда, в Котселле, стоят отряды мятежников. Такая компания, как наша, не должна попадаться на глаза местным жителям.

– Да, это правильная мысль, – кивнул Лодердейл, со стуком ставя свою кружку на стол. – Большинству из нас пора отсюда уходить.

Он направился к двери и столкнулся на пороге с миссис Эндрюс, которая явилась сообщить королю, что Уильям и Ричард Пендерелы ждут его в прихожей.

Дерби кинулся вслед за ним. Король, стоя в рубаше и серых подштанниках, опершись руками о стол, тихонько о чем-то беседовал с Уилмотом. Через несколько минут Дерби вернулся в гостиную в сопровождении двух мужчин, одетых, как одеваются люди из простонародья, и державших в руках шляпы.

Когда люди, стоявшие у дверей, расступились, давая им пройти, Дерби указал на короля и молвил:

– Это король. Вы должны заботиться о нем и охранять его, как охраняли меня.

Король повернул голову и прежде всего посмотрел на Уильяма, великана с длинным, довольно суровым лицом, а затем перевел взгляд на Ричарда, который не стал в ответ прятать глаза; в них читались легкий испуг и некоторое любопытство.

Мгновение они молча смеряли друг друга оценивающим взглядом; король видел перед собой могучего мужчину с прямыми каштановыми волосами и обветренным лицом, в котором было что-то от ищейки. Перед дровосеком же был высокий, изящный человек в белой рубаше, он слегка наклонился вперед, опершись ладонями о стол, густые черные кудри упали на бледное лицо, в глазах сквозила огромная печаль, нос был крупноват и от него пролегли к большому рту с изогнутыми губами глубокие складки.

– Ричард Пендерел, ты берешь меня под свою опеку? – наконец спросил король.

Ричард в ответ лишь кивнул. Он уже понял, что грустные глаза могут улыбаться, и постепенно на его губах заиграла ответная улыбка. Через несколько мгновений он уже широко ухмылялся и кивал, глядя на короля.

Чарльз Гиффард тронул Ричарда за плечо.

Ричард добродушно и терпеливо выслушал его наставления, а затем лаконично заявил:

– Я принес бриджи Уилла. – Он повернулся обратно к королю, никого больше вокруг не замечая, и сказал: – Мы тут с Уиллом поговорили, мой господин, и думаем, что раз мятежники обосновались неподалеку, вам лучше переждать до темноты в лесу.

Король посмотрел поверх его головы на старшего Пендерела, который, встретив испытующий взгляд монарха, ответил сочным басом:

– Ага.

– И если ваша честь ничего не имеет против, мы советуем вам поспешить, – добавил Ричард.

Он вынул сверток, который держал под мышкой, и плюхнул его на стол.

– А вот и одежда.

– Спасибо вам обоим. – Король выпрямился. – А теперь оставьте меня. Все, кроме лорда Уилмота.

Сказав это, он протянул руку, и все: и лорды, и простые дворяне – принялись поочередно целовать ее и выходить один за другим из комнаты.

Пендерелы смотрели на это спокойно, но внимательно и молчали.

Бэкингема король поцеловал в щеку, прошептав:

– Береги себя, Джордж!

В глазах лорда Тэлбота стояли слезы.

Он воскликнул:

– Господи благослови ваше величество и убереги от врагов!

Личные слуги короля плакали не таясь, когда целовали его руку. Наконец все ушли: некоторые – чтобы спастись, Дерби – навстречу гибели, Лодердейл – чтобы долгие годы томиться в темнице, Бэкингом – чтобы пережить совершенно фантастические приключения, которые вполне соответствовали его бесшабашному нраву. В гостиной остались только Уилмот, Чарльз Гиффард и Пендерелы. Король какое-то время смотрел на захлопнувшуюся дверь, и у него было такое лицо, что Уилмот схватил Карла за руку и на мгновение поднес ее к губам.

Король вздрогнул, очнулся и посмотрел на склоненную голову Уилмота.

– Ну, а с тобой что делать, Гарри? – спросил он. – Куда ты пойдешь?

– Я пойду с вами, сир.

– Нет, ты этого не сделаешь, клянусь! – воскликнул король.

И тут вмешался Чарльз Гиффард:

– Сир, мы с моим родственником это обсудили, и если лорд Уилмот не возражает, то Джон Пендерел отведет его в безопасное место, оно неподалеку отсюда.

– Джон Пендерел? Так у вас еще братья есть? – спросил король у Ричарда.

– Да, мой господин. Нас пятеро, а шестой помер. Уилл, нам лучше бы поговорить с Джоном.

– Ага, – согласился Уильям и распахнул дверь.

Когда она снова затворилась за двумя братьями, Уилмот воскликнул:

– Я не могу оставить вас с такими болванами!

– Да они мне очень даже понравились, – возразил король, снимая рубаху. – Посмотри, что мне принесли из одежды, Гарри, и прошу, не будь таким мрачным!

Пендерелы принесли королю грубую полотняную рубаху, старые зеленые бриджи, принадлежавшие Уильяму и, соответственно, бывшие королю ниже колен, кожаный камзол с оловянными пуговицами, стоптанные башмаки, засаленную островерхую шляпу без подкладки и серый плащ, который в этих краях, как сказал королю Чарльз Гиффард, имел очень забавное название. Поскольку чулки принести позабыли, король оставил свои, обрезав расшитую вензелями резинку.

Он сунул ноги в неуклюжие башмаки, скривился, потому что они ему жали, и отдал распоряжение Уилмоту подстричь его по деревенской моде.

Уилмот, и без того пришедший в ужас от того зрелища, которое являл собой король, возопил, протестуя против столь страшной жертвы, но король сказал:

– Гарри, делай, как я велю.

И, сев на стул, подставил свои локоны под нож.

Когда стрижка была закончена, король выразил сожаление из-за того, что в доме нет зеркала и он не может полюбоваться своим теперешним видом. После чего приказал Гиффарду позвать Ричарда Пендерела.

Ричард явился вместе с миссис Эндрюс. Изменившийся облик короля их несколько не позабавил и не ужаснул, однако Ричард, внимательно оглядев Карла, вдруг повернулся и вышел из комнаты, а миссис Эндрюс воскликнула:

– Ай-ай-ай! Неужто никому из вас не пришло в голову, что нашему благословенному королю надо спрятать свои белые руки? Боже правый! Ну почему женщине приходится следить буквально за каждым вашим шагом? Как можно отпускать вот так этого милого юношу, руки и лицо которого говорят сами за себя! Сразу видно, что это король!

Карл рассмеялся и обнял ее за талию.

– Разве я такой уж белокожий? Когда я родился, моя мать запричитала, что Господь послал ей черного ребенка.

– Ну что вы! Наверняка в тот день ее распирало от гордости. Ладно, довольно балагурить. Сейчас не время для веселья. Потрите-ка руки золой из камина! Ах, почему бедная вдова должна обо всем заботиться?!

Король подчинился и, следуя указаниям миссис Эндрюс, вымазал золой лицо, сетуя, что теперь ни одна девушка не захочет его поцеловать.

Миссис Эндрюс в этот момент натирала ему ладони золой. Подняв на короля глаза, она резонно заметила:

– Судят не по словам, а по делам. Вы никогда, думаю, не будете обделены девичьими поцелуями, ведь Господь дал вам такие глаза!.. Ну что вы... как вам не совестно, мой господин? Я докажу вам, что я честная женщина!

Тут в гостиную зашел Ричард Пендерел, в руках у него были ножницы.

– Господи, а это еще зачем? – воскликнул король.

– Благородный господин нещадно искромсал ваши волосы, сир, – сказал Ричард. – Они торчат клоками. Пожалуйста, ваша честь, присядьте, и я их подровняю.

– О, Ричард, ты просто чудо! – восхитился король, садясь на скамью.

К щекам Ричарда прилила краска. Ни слова не говоря, он принялся подрезать кудри короля.

А закончив, отложил ножницы в сторону и лаконично произнес:

– Уже светло. Пора уходить.

Король встал и связал уже не нужную ему одежду в узел.

– Я выброшу это в отхожее место, – пробормотал он.

Но мисс Эндрюс вцепилась в узел и вырвала его из рук Карла.

– И не вздумайте! Джордж закопает вещи; он хоть и отъявленный лодырь, но это сделает.

– Только проследи, чтобы мои вещи хорошенько закопали, – предупредил миссис Эндрюс король. – Если их найдут, вам не поздоровится.

Он повернулся к Уилмоту и, потянувшись к нему, взял холеную руку лорда в свои.

– Жди весточки от меня в Уинтри, в харчевне «Три журавля», Гарри. Да хранит тебя Господь!

Уилмот упал на колени и покрыв поцелуями почерневшие от золы руки короля.

– Да хранит *вас* Господь! – прошептал он.

– Вашей чести лучше бы поторопиться, – флегматично заметил Ричард. – Мы выскользнем через черный ход, никто ни о чем даже понятия иметь не будет.

Король поднял Уилмота с колен и на мгновение сжал его в объятиях.

– Ты слышал, что говорит мой осторожный ангел-хранитель. Прощай! Ежели удастся, я дам о себе знать. Веди меня, мой верный Дик!

В следующее мгновение король ушел. Уилмот сунул руку в карман, нащупал часы и, зажав их в ладони, довольно долго стоял, глядя на затворившуюся дверь.

Глава 3

Очень дождливый день

Ричард Пендерел вывел короля на улицу через черный ход, и никто не увидел, как они покинули дом. При тусклом свете – хотя уже рассвело, небо было затянуто угрюмыми черными тучами, сулившими дождь, – король смог разглядеть место, к которому он с таким трудом пробирался всю ночь. Это была красивая, плодородная земля, с множеством водоемов и лесов. Поместье Уайт-Ледис стояло особняком, чуть в стороне от проселочной дороги, отходившей от тракта, который вел на север из Ньюпорта и переходил в дорогу, соединявшую Брювуд и Тонг. Ричард сказал королю, что в миле оттуда, за невысоким холмом находится Боскобел-Хаус. Его собственный дом, Хоббал-Грендж, был расположен чуть западнее Уайт-Ледис, а лес, в котором королю предстояло провести целый день, простирался к востоку, начинаясь в полумиле от Уайт-Ледис; его очертания отчетливо виднелись из окна дома, лес находился за лугами и полями, засеянными пшеницей.

Урожай уже собрали, и приходилось идти по колкому жнивью. Башмаки, которые король позаимствовал у своих благодетелей, немного жали.

Он сказал:

– Сдается мне, что я далеко не уйду в твоих башмаках, мой добрый Дик. Они слишком тесны.

Ричард явно расстроился:

– Может, они и не подходят вашей милости, но других-то у меня нет!

– Моя милость – неблагодарная свинья, – пробормотал король, перекладывая из одной руки в другую тяжелый деревянный посох, которым снабдил его Ричард.

По озадаченному лицу Ричарда было ясно, что слова монарха привели его в недоумение, однако Карл слишком утомился и не пожелал вдаваться в объяснения. Он лишь улыбнулся, и Ричарда это, похоже, вполне удовлетворило; улыбнувшись в ответ, он сообщил, что идти осталось недалеко.

Вскоро они добрались до опушки Спринг-Коппис, и спустя несколько минут уже углубились довольно далеко в лес, который оказался очень густым, но почти без подлеска; земля здесь поросла высоким папоротником, который успел за осень пожухнуть и пожелтеть. Из деревьев в этом лесу можно было встретить по большей части дубы, но кое-где между ними попадались лиственницы, а иногда – и темно-зеленые ели. Пробираясь вслед за Ричардом сквозь заросли папоротника, доходившего ему до колен и цеплявшегося за ноги, король заметил, что этот лес кажется ему достаточно надежным убежищем. Ричард обрадовался и сказал, что здесь вполне безопасно, как, впрочем, и в любой другой чаще, ибо человек, не знающий здешних мест, может легко тут заблудиться. Ричард намеревался привести короля в самую середину чащи, поскольку это находилось к востоку от дороги на Котселл – селение, где стояли войска мятежников. Услышав, что Карл желает остановиться вблизи от дороги, Ричард пришел в ужас и попытался переубедить короля. Несмотря на грубоватую прямоту своих манер, Ричард явно трепетал перед королевской особой, и, увидев, что его уважительные возражения не возымели действия на короля, не осмелился дальше ему перечить и повел его к дороге. Правда, повел, всем своим видом выражая сомнение.

– Мне хочется увидеть опасность прежде, чем она увидит меня, – сказал король.

– Да, ваша милость, но вообще-то я собирался отправить на разведку Хэмфри и Фрэнсиса Йатса, они бы все разузнали и предупредили вашу честь об опасности.

– Как? Еще один брат? – пробормотал король. – Ах да, помню... вас же пятеро! А чем зарабатывает себе на жизнь Хэмфри?

– Хэмфри – мельник, ваше величество. А Фрэнсис – муж моей сестры Элеаноры, он будет счастлив вам услужить, можете не сомневаться.

К тому времени они достигли уже конца леса. Там росло много кустов, отгораживавших лес от дороги, и король сказал Ричарду, что это великолепное прикрытие. Ричард неуверенно согласился, но выбрал место на небольшом расстоянии от дороги и так отчаянно просил короля не приближаться к ней, что Карл рассмеялся и уступил. Он присел на пенек со вздохом облегчения. Его тело ныло от усталости, ноги, не привыкшие к грубой и неудобной обуви, были натерты до волдырей. Ричард обеспокоенно склонился над ним, пытаясь понять, не слишком ли сильно побледнело лицо короля, вымазанное сажей... А вдруг он сейчас упадет в обморок? Что с ним тогда делать?.. Ричард на несколько минут отлучился, чтобы бросить беглый взгляд на дорогу. Она оказалась пуста, и он вернулся к королю, который сидел, подперев ладонью подбородок. Лицо отдыхающего короля осунулось, а при виде темных глаз Ричарду стало не по себе: настолько глубокой была притаившаяся в них грусть. Ричард понял, что король страшно угнетен своим поражением, и пожалел, что он простой, неученый человек, который не в состоянии подыскать нужные слова и утешить его величество. Вдобавок корона и королевство казались чем-то таким недостижимым и далеким, что он не мог по-настоящему осознать, как чувствует себя человек, который был королем и вдруг потерял трон.

– Боюсь, вашей чести приходится терпеть много неудобств, – только и смог сказать Ричард.

Король поднял на него глаза и заставил себя улыбнуться.

– Нет, все прекрасно. Я только немного устал.

– А... ну, тогда, ежели ваша честь не прочь вздремнуть, я могу посторожить... хотя я-то собирался сперва сбежать за Хэмфри и Фрэнсисом.

– Да, иди, конечно. За меня не бойся. Я не усну.

У Ричарда промелькнуло тревожное подозрение: наверное, короля не следовало оставлять одного, но, поскольку здравый смысл подсказывал ему, что самое мудрое – это послать на разведку брата и Иатса, он решил поверить королю на слово, быстро – одна нога здесь, другая там – сходить за подмогой и вернуться еще до того, как кто-нибудь, кроме батраков, выйдет из дому.

Поэтому он ушел, ободренный спокойствием короля и тем, что тот, видимо, нисколько не опасается остаться один.

После его ухода Карл долго сидел без движения, в его усталом мозгу проносились одна за другой все этапы сражения, проигранного накануне. Но четкости в мыслях не было никакой, ибо хотя Карл провел почти всю ночь в глубоких раздумьях, мысли его скакали в такт ритмичным ударам конских копыт и вместо разумных рассуждений на ум постоянно приходили обрывки одних и тех же бессмысленных фраз. Карл беспрестанно слышал вокруг голоса, да и необходимость обратить все свое внимание на лошадь, которая в любой момент могла споткнуться в темноте и упасть, исключала возможность четких и логичных умопостроений.

Не было ничего мучительнее и бесполезнее воспоминаний о ворчестерских злоключениях. С той минуты, как король понял, что шотландские всадники подвели его, события начали разворачиваться стремительно, с трагической бесповоротностью, и то, что произошло всего сутки назад, казалось, отделяла от теперешнего момента целая вечность... Должно быть, зря он назначил главнокомандующим Лесли... хотя... кого еще можно было выбрать на эту роль? «Вечным неудачником, которого Господь никогда не благословит, даровав успех», назвал как-то Лесли один из его сослуживцев.

Но злоключения короля начались не накануне. Он надеялся, что стоит ему пересечь границу – и английские новобранцы к нему присоединятся, но они трусили. В памяти всплыл тот день, когда он устроил смотр рекрутов в Питчкрофте, перед стенами Ворчестера. Сколь немногие увиденные тогда солдаты соответствовали представлениям короля о том, какими

полагается быть солдатам! А англичанам не понравилось, что король явился в сопровождении шотландцев: они не доверяли этой части его войска. И в основном в случившемся виноват Месси... Его вместе с отрядом послали вперед к югу от Карлисла, приказав набрать в армию англичан, но он как истый пресвитерианец отдал предпочтение партии «Ковенанта». Никто и глазом не успел моргнуть, а подлог уже был совершен.

Воспоминания о неудачах нахлынули с разных сторон, горизонты памяти медленно раздвинулись, и перед мысленным взором короля открылась панорама его несчастий. Он заново пережил известие о смерти зятя, и теперь, когда отчаянная борьба за престол окончилась поражением, Карл ощутил в душе пустоту. Вильгельм Оранжский был ему хорошим другом... как, впрочем, и всему его злосчастному семейству. Криво усмехнувшись, король напомнил себе, что именно Вильгельм оплатил все расходы, связанные с трауром по его покойному отцу. Всю жизнь к услугам Карла был кошелек Вильгельма, всю жизнь Вильгельм помогал ему мудрыми советами. Будущее и так уныло во всех отношениях, а теперь, после гибели Вильгельма, оно вообще беспросветно.

Дунбар... В свое время это поражение не показалось ему такой уж катастрофой, поскольку он к тому времени уже считал Аргилла и его сторонников своими злейшими врагами. Король не желал вспоминать ужасный год, проведенный в Шотландии, но отмахнуться от этих воспоминаний не удалось. Каких только унижений ему не пришлось перенести прежде, чем «Ковенант» согласился короновать его! Он каялся в своих грехах, в грехах своей матери и отца. И наконец, совершенно потеряв терпение, вскричал:

– Я, наверное, должен покаяться и том, что вообще появился на свет!

А когда он впервые приехал в Шотландию, бедная женщина, увидев его вместе с Аргиллом в Абердене, воскликнула:

– Да благословит Господь ваше величество и направит вас к вашей цели! Но если вы не поостережетесь тех, кто стоит по левую руку от вас, то они, словно кукушки, выкинут вас из гнезда, ведь это они помогали отобрать у вашего отца престол.

«Жаль, что канцлер этого не слышал», – подумал король.

Хайд упорно советовал ему не доверять Аргиллу. Никто из сторонников Карла в Англии не поддерживал его «шотландский план». Но королева, мать Карла, и все в Лувре твердили, что надо довериться Аргиллу. Даже те, кто ненавидели Аргилла, считали, что это единственная надежда короля вернуть себе трон. В ту пору Карл согласился плясать под их дудку, потому что у него не было выхода. Но потом он уже не смог больше терпеть, Аргилл хотел от него слишком много. Аргиллу хотелось, чтобы король был марионеткой, а он и его «Ковенант» правили Шотландией. А когда король начал навещать солдат и Аргилл увидел, какую популярность Карл приобретает в армии, он поспешил избавиться от короля. В планы Аргилла не входило, чтобы у Карла было собственное войско.

Аргилл принудил его расстаться с самыми близкими друзьями. Это подавалось как борьба за то, чтобы при дворе были только надежные люди. Когда король вспомнил об этом, его большой рот скривился в язвительной усмешке. Это покаянное очищение привело к изгнанию Гамильтона и к тому, что из дворян, приехавших с Карлом из Голландии, в конце концов с ним остался чуть ли не один распутный Бэкингом! Королю так и не удалось выяснить, на какую хитрость пустился Бэкингом, чтобы втереться в доверие к Аргиллу. Может быть, он продался Аргиллу, пообещав воздействовать на короля. Однако Аргилл и не подозревал, что мягкий, добродушный принц, будучи воплощением самой кротости, в действительности никому не доверял.

Научился Карл и терпеть обиды, как малые, так и большие. Он никогда не придавал значения помпезности, но до приезда в Шотландию с ним никогда не обращались неучтиво. А здесь он вскоре убедился, что фанатичные, нетерпимые сторонники «Ковенанта» способны вести себя просто по-хамски. Карл вспомнил – и улыбнулся при воспоминании о том, как он

был потрясен случившимся в доме одного из министров Аргилла. Когда Карл вошел в гостиную, жена министра кинулась было усаживать его в кресло...

– Радость моя, – неожиданно остановил ее суровый супруг, – он молодой человек и в состоянии сам себя обслужить.

Оглядываясь назад, король упрекал себя: как это он тогда не догадался, что шотландцы, приехавшие за ним в Голландию, заманивают его в западню?! Ведь в их поведении было столько настораживающего... Да одно лишь требование не брать с собой Руперта и приказать Монтроузу сложить оружие насторожило бы кого угодно... кого угодно, кроме двадцатилетнего юноши, которому его приближенные, ссорясь друг с другом, постоянно давали самые разноречивые советы.

Монтроуз! Едва лишь это имя всплыло у короля в памяти, он закрыл лицо ладонью, словно пытаясь отгородиться от неприятного видения.

– Я послал к нему человека, чтобы его предупредили! – воскликнул король и вздрогнул, услышав свой собственный голос, нарушивший лесную тишину.

Рука упала, ибо ничто не могло заслонить от внутреннего взора короля спокойного, гордого лица Монтроуза, который пристально глядел Карлу в глаза.

Но Монтроуз успел нажать себе столько врагов... почти столько же, сколько Руперт, он был одержимым и мог рискнуть буквально всем ради возможности одолеть «Ковенант». И все же Карл вовсе не хотел предавать Монтроуза! Аргилл поклялся, что ни один волос не упадет с его головы, и Карл собственноручно написал Монтроузу письмо, написал дважды: постарался объяснить причину перемены своей политики, велел ему сложить оружие и покинуть Шотландию. Не его вина, что письма запоздали; он не виноват в том, что Аргилл обманул его и подверг Монтроуза позорной казни. А когда предательство было совершено, дело зашло уже так далеко, что путь к отступлению оказался отрезан. Слишком многое было поставлено на карту, да и после гибели Монтроуза королю казалось, что в минуту невзгоды он может рассчитывать только на помощь Аргилла. Король подписал «Торжественное соглашение», хотя не имел ни малейшего намерения выполнить хотя бы один его пункт, и люди, заставившие его поставить под документом свою подпись, знали, что это его ни к чему не обяжет. Но они – и прежде всего Аргилл – не знали другого: что король надеялся когда-нибудь заполучить голову Аргилла. В отместку за смерть Монтроуза... По натуре он не был мстительным человеком, но даже сейчас, сидя в Спринг-Коппис, сказал себе, что непременно казнит Аргилла... если, конечно, сможет вновь воцариться на троне.

На сжатый кулак короля, лежавший на колене, упала капля дождя; король вздрогнул и вернулся к действительности. Он поднял глаза и увидел, что дождь уже в разгаре; однако листва над его головой была настолько густа, что какое-то время служила защитой от дождя.

Карл поднялся на ноги, движения его были неловкими и скованными, ибо от холода руки и ноги заоченели. Ричард Пендерел до сих пор не показывался, и никаких других звуков, кроме шума дождя, барабанившего по листьям деревьев, не было слышно. Король был совершенно один, и если бы он вдруг закричал, никто не прибежал бы на его крик.

Карл принялся расхаживать взад и вперед, пытаясь согреться, но башмаки натирали ноги, и все тело ныло, требуя отдыха. Поэтому он снова сел, выбрав такое место, куда дождь заливал меньше всего.

Грубая рубаха невыносимо раздражала кожу, и, поеживаясь, король тешил себя надеждой на то, что в ней нет вшей. Вообще-то он не считал, что получил изнеженное воспитание: детство его прошло в военной обстановке, порой Карл даже испытывал нехватку денег, а в последнее время и вовсе жил так стесненно, что был вынужден занять двести фунтов на поездку в Шотландию. Однако предыдущая жизнь несколько не подготовила его к тому, что происходило сейчас. Король никогда не сидел один-одинешенек в лесу, не мок под дождем; а если гулял, то только для собственного удовольствия. Даже в самые тяжелые времена у короля

был дом, который он мог считать своим собственным, слуги, советники, лошади для верховой езды, постель и чистая одежда. Кожаный камзол, который принес королю.

Ричард, провонял потом, а потрепанная шляпа, защищавшая голову от дождя, была засаленная и вся в пятнах. Король не знал, где ему удастся сегодня преклонить голову на ночь, сможет ли он поесть, и на какое-то время им овладело чувство беспомощности, к которому еще примешивалась физическая и душевная усталость.

Внезапно вдали раздался негромкий топот лошадей, скакавших по дороге, и король стряхнул с себя унылое оцепенение. Он снова поднялся на ноги и, осторожно дойдя до опушки леса, спрятался за кустом так, чтобы в просветы между ветками можно было следить за дорогой.

Стук копыт становился все громче. Через несколько мгновений мимо проскакал отряд всадников: они ехали спокойно, явно не подозревая, что в лесу может скрываться беглец. Король глядел на них, пока они не скрылись из виду, а затем вернулся обратно и попытался обдумать, что же делать дальше и как можно будет вернуться в Лондон.

Неожиданно он услышал шаги людей, пробиравшихся по лесу, и, подняв голову, увидел Ричарда Пендерела, возвращающегося в сопровождении еще двоих мужчин.

Заметив, что они смотрят на него с тревогой, король приветствовал их улыбкой и даже попытался пошутить:

– Ну, как поживают мои новые гвардейцы? Какие новости?

Хэмфри Пендерел одобрительно ухмыльнулся, но решил, что перед королем лучше упасть на колени.

– Да новости, можно сказать, хорошие, мой господин.

– Рад слышать. А ты мельник Хэмфри, да? Встань, приятель. Мои гвардейцы не преклоняют передо мной колени.

– Ничего хорошего в этих новостях нет, – перебил брата Ричард, бросив на него довольно суровый взгляд. – Не прошло и часу с тех пор, как вы ушли из Уайт-Ледис, а в деревню уже заявились солдаты, спрашивали, не видал ли вас кто. Потому-то мы и задержались.

– Ага, а я сказал «хорошие новости», потому как хорошо, что вы далеко оттуда ушли, ваша милость, – вставил Хэмфри.

В темных глазах короля вспыхнули искорки смеха.

– Сдается мне, что ты большой шутник, друг мой Хэмфри. А кто расспрашивал обо мне? Всадники? Должно быть, это их я видел совсем недавно: мимо этого места проехал отряд, он направлялся на север. Насколько я могу судить, это были ополченцы. Они показались мне непохожими на настоящих солдат.

– Да, вас искали всадники, – подтвердил Ричард. – Они спрашивали, не видел ли кто вашу честь, но ничего не добились. Мы сказали им...

– Кто «мы»? – перебил король.

Ричард ткнул пальцем в своих спутников:

– Да вот мы троим там были, мой господин: Хэмфри, Фрэнсис и ваш покорный слуга. Мы сказали, что какой-то отряд ночью проходил, но были ли вы среди них, мы не ведаем.

Вид у Ричарда был при этом такой непроницаемый, что король не выдержал и расхохотался.

– Ну и что они тогда сделали, Дик?

– Уехали, – ответил Ричард. – Люди говорят, шотландцы вчера заночевали в Тонге, а затем двинулись на север. Мы с Фрэнсисом думаем, что мятежники будут искать вас среди них.

– Похоже на то, – согласился король.

Он поглядел на Иатса, который стоял чуть поодаль и с благоговением взирал на него.

– Это ты привел меня в Уайт-Ледис? – спросил король. – Благодарю тебя.

Иатс покраснел до ушей и беззвучно зашевелил губами.

– А что у тебя такое в руке? – поинтересовался король.

– Палка от метлы, ваше величество, – откликнулся Иатс, робко протягивая ее королю.

Король взял палку и, обнаружив, что она легче деревянного посоха, который дал ему Ричард, спросил, не согласится ли Иатс с ним поменяться.

Ричард тем временем потрогал пенек, на котором сидел король. Он оказался мокрым, и у Ричарда появился новый повод для беспокойства. Однако он ничего не сказал, а когда король спросил, что случилось с его друзьями и удалось ли лорду Уилмоту спастись, присел рядом с Карлом и ответил, что отряд «кавалеров» успел уехать вовремя, а о милорде Уилмоте должен позаботиться Джон Пендерел, который собирался отвести его к одному очень благонадежному человеку.

– Эх, – вздохнул Хэмфри, – но Джон с куда большим удовольствием заботился бы о вашем величестве. Этот благородный господин все время фыркает, как кастрированный кот. И потом он и шагу не желает сделать без лошадей и слуг. Корчит из себя какого-то черт-те что!

– Это потому, что он наел слишком толстый живот, – задумчиво предположил Йатс. – Такие люди не могут ходить пешком... во всяком случае, далеко... просто не могут – и все тут!

– Надеюсь, мне еще удастся увидеть милорда Уилмота, прежде чем меня повесят! – пробормотал король, мысленно одобряя замечания своих собеседников.

Они не поняли, что он шутит, и мрачно посмотрели на него, явно подыскивая нужные слова.

Наконец Йатс очень серьезно произнес:

– Сперва повесят нас троих. А, ну и Уильяма тоже, конечно!

Двое спутников Йатса поддакнули ему.

Король был тронут, но ответил нарочито весело:

– Друзья мои, виселица меня не страшит, а вот утонуть я боюсь... если дождь не прекратится.

Они оценили его юмор и расплылись в улыбке.

Затем Хэмфри ткнул локтем в бок Фрэнсиса, но тот пролепетал:

– Лучше пусть Ричард скажет...

– Да, пожалуй, – согласился Хэмфри и кивнул своему брату. – Ты умеешь говорить учтиво, как и полагается разговаривать с его величеством.

Ричард набрал в грудь воздуха и, не отрывая взгляда от короля, выпалил:

– Мы бы хотели, чтобы ваше величество согласились называться Уиллом Джонсом, и... вы уж на меня не сердчайте, но и разговор ваш надобно подправить.

– Да я с радостью, ты только скажи как! – откликнулся король.

– Ну, вы говорите совсем не так, как говорят простые люди, – пояснил Ричард.

– Да, и походка у вас не такая, – добавил Хэмфри. – Любой догадается, что вы король, и ничего с этим не поделаешь. Мы с Фрэнсисом вас покараулим, а Ричард научит ваше величество говорить по-простому.

Через час Хэмфри возвратился – доложить, что все пока спокойно. И король попросил его посмотреть, каких успехов ему удалось добиться под руководством Ричарда. Однако стоило королю произнести несколько фраз на местном диалекте и сделать несколько шагов, как Хэмфри вздохнул, покачал головой и заявил, что лучше его величеству отправиться в путь ночью.

– Какая жалость! – воскликнул Карл, вновь опускаясь на пенек. – А я-то считал себя способным учеником.

– Все потому, что вы держитесь слишком легко и свободно, – попробовал объяснить Хэмфри. – Как будто вы король и вам ни до кого нет дела.

– Как будто я король! – повторил Карл и уткнулся лицом в ладони.

Они в ужасе воззрились на него.

Наконец Ричард отважился заговорить:

– Хэмфри не хотел обидеть вашу честь, он просто сболтнул лишнего.

– Ничего, я не обиделся, – ответил король с горестной усмешкой. – Оставьте меня пока что одного, мои дорогие друзья. Наверное, я слишком устал, и поэтому от вашего учения не будет проку.

Братья ушли, оставив короля на пенке под деревьями, с которых падали капли дождя. Какое-то время Ричард не появлялся, а затем вернулся с одеялом, которым застелил пенек, объяснив королю, что принес это одеяло из дома Иатсов.

Король поблагодарил Ричарда и попросил немного побыть с ним, потому что у него есть к Ричарду несколько вопросов. Ричард присел рядом, заметив, что вообще-то дождь уже перестал, это только с деревьев капает.

– Я начинаю подозревать, что родился под несчастливой звездой, – горестно откликнулся король.

– Но для вас хорошо, мой господин, что в лесу сыро, – возразил Ричард. – Тем, кто вас ищет, не придет в голову заглянуть в лес.

– А меня уже ищут?

– Да, несколько человек в красных мундирах. Но им неизвестно, что вы тут побывали. Они просто знают, что мы католики, что здесь живет мистер Гиффард и что шотландцы прошли неподалеку. Поэтому они подозревают, что вы затаились в наших краях.

– Надо отсюда уходить, – сказал король, обращаясь отчасти к самому себе.

Он видел, что Ричарду нечего ему предложить, но тот смиренно ждал, чего изволит король, и Карл принялся его расспрашивать о знатных людях, которые имели поместья вблизи от дороги, ведущей в Лондон.

Вскоре король убедился, что Ричард ничего не знает даже о джентри², живущих чуть в стороне от его родной деревни. Он не смог назвать ни одного джентльмена или йомена³, который согласился бы приютить Карла в Стэффордшире, и Карл, который тоже совершенно не знал эти края, умолк и какое-то время сидел, нахмурившись. Он был хорошо знаком с западной частью страны, поскольку жил там какое-то время, когда ему пришлось командовать западной армией своего отца, но сколько ни напрягал память, ему не удавалось припомнить какого-нибудь верного дворянина, обитающего в здешних краях, по дороге в Лондон.

– А мистер Гиффард все еще в Уайт-Ледис? – отрывисто спросил король.

Ричард покачал головой. Король, несмотря на свой легкий нрав, на мгновение приуныл, глядя на флегматичного собеседника.

– Что же тогда, черт побери, мне делать? – воскликнул Карл, надув мясистые губы.

Ричард снова покачал головой, но лицо у него было при этом такое виноватое, что король, сменив гнев на милость, пробормотал:

– Я должен сам подумать.

Ричард, и без того молчаливый, ничего не ответил и молча сидел, жуя травинку.

Шум приближающихся шагов заставил Ричарда обернуться, в его глазах появилось настороженное выражение. Ричард предостерегающе положил королю руку на плечо, поднялся и пошел на разведку. Король уже готов был отойти подальше в лес, как вдруг Ричард остановил его:

– Все хорошо, ваша честь. Это моя сестра принесла вам поесть, а то у вас в желудке, наверное, пусто.

Слегка удивившись и испытывая глубокое недоверие к женщинам, которые, по мнению короля, не умели хранить тайны, он подождал появления миссис Йатс.

Когда же она наконец вышла на поляну, сказал:

² Джентри – мелкопоместные дворяне.

³ Йомен – мелкий землевладелец.

– Доброе утро, добрая женщина. Способна ли ты не выдать «кавалера», который потерпел в войне поражение?

По тому, как глубоко присела в реверансе миссис Йатс, и по ее прерывающемуся от волнения голосу королю стало ясно, что она знает, кто он такой.

– Да, господин. Я скорее умру, чем предам вас, – искренне воскликнула она и протянула ему корзинку.

Король взял ее и, сняв тряпочку, которой была прикрыта сверху корзинка, увидел черный глиняный горшочек.

Он поднял глаза и произнес с улыбкой, от которой сердце миссис Йатс затрепыхалось, словно испугнутая птица:

– Тут молоко и яблоки, да? О, я это обожаю.

– Нет, господин. Увы, здесь нет яблок. Это всего лишь смесь из масла, молока и яиц... совсем не то, к чему привыкла ваша изящная милость.

Король поставил корзинку на землю, взял горшочек и оловянную ложку и попробовал смесь.

– Очень вкусно, – сказал он миссис Йатс и съел почти все, только под конец, слегка заморив червячка, протянул горшок Ричарду и предложил доесть.

Дождь никак не утихал. Когда миссис Йатс ушла, король какое-то время сидел в одиночестве, но затем на поляну вернулся Ричард, а вскоре пришли и Хэмфри с Джорджем. Ричард спросил, не желает ли король закутаться в одеяло и немного вздремнуть, но, хотя руки и ноги Карла болели, а все тело странно набрякло, задремать он не мог. Стоило ему смежить ресницы, и перед глазами начинали мелькать тревожные картины: лица, сцены сражения... А в ушах звучал монотонный топот копыт.

Где-то в середине нескончаемого дня Карл, не в силах придумать, как, не рискуя быть узнанным, добраться до Лондона, решил переправиться через Северн и укрыться в Уэльсе. У него там были друзья, и он верил, что сможет где-нибудь – либо в Сванси, либо в каком-нибудь другом портовом городе – сесть на корабль, отплывающий во Францию.

Узнав о том, что планы короля изменились, Ричард, похоже, отнесся к этому одобрительно и предложил проводить Карла в Меделей, где, по его уверениям, обитал один очень честный джентльмен по фамилии Вулф, на которого король мог рассчитывать в дальнейшем.

Приняв решение, король приободрился, но лицо его, с которого потоки дождя смыли сажу, было таким бледным и изможденным, что братья, немного посоветовавшись, попросили Карла пойти – как только можно будет безбоязненно выйти из лесу – к Ричарду, передохнуть там, подкрепиться и лишь затем отправляться в Меделей, до которого было девять миль. Король согласился, и в пять с небольшим братья вместе с Фрэнсисом Иатсом проводили монарха до Хоббал-Грендж, местечка, находившегося в миле от Спринг-Коппис и довольно далеко от поместья Уайт-Ледис.

Дождь уже прекратился, но низкое небо не сулило ясной ночи. Продвигаясь вперед – порой идти приходилось по полям, а порой по узким, безлюдным дорогам, – Ричард и Хэмфри, шедшие по обе стороны от короля, внимательно следили за ним и время от времени напоминали, что нужно ссутулиться или опустить пониже голову. Иатса и Джорджа Пендерела выслали вперед в качестве дозорных, но за время этого короткого путешествия король и его спутники не повстречали ни одной живой души и добрались до Хоббал-Грендж без злоключений, если не считать кровавых мозолей, вскочивших на ногах короля от грубых башмаков Ричарда.

Они приблизились к дому, отстоявшему на три четверти мили от дороги, соединявшей Тонг и Брювуд. К дому вела дорожка, которая была чуть лучше гужевой. Когда Ричард ввел короля в дом, Карл на мгновение замер на пороге, моргая при свете сальных свечей, и с любопытством огляделся. Он попал сразу в большую кухню, которая, похоже, была единственным помещением, служившим в этом доме гостиной. Над открытым огнем склонилась женщина с

резкими чертами лица. Завидев входящего короля, она довольно небрежно поклонилась, пристально глядя на Карла. Из-за ее юбок выглядывала, положив в рот палец, маленькая девчушка с прямыми светлыми волосами, прикрытыми чепчиком.

Король улыбнулся ей и спросил Ричарда:

– Это твоя малютка?

– Ага, ваша честь, – откликнулся довольный Ричард. – А ну, Нан, поклонись! А это моя жена, она, как и я, рада служить вашей чести.

В голосе его зазвучали угрожающие нотки. Миссис Пендерел вновь поклонилась, но при этом опустила глаза, и на ее лице появилось неприветливое, упрямое выражение.

Стульев в комнате не оказалось, но король придвинул к очагу табурет и принялся греться, положив шляпу на пол рядом с собой. С одежды его капала вода, он протянул к огню красивые руки с длинными пальцами. Миссис Пендерел при этом пробормотала, что они наверняка выдадут короля: стоит на них лишь взглянуть – и все станет ясно.

Ричард резко приказал ей замолчать и заняться ужином для гостя.

– Я тебе уже сказала час назад: у нас нет ничего, кроме ветчины и яиц, – буркнула миссис Пендерел. Потом угрюмо посмотрела на Джорджа и Фрэнсиса Йатса и добавила: – Ты что, никак хочешь, чтобы я и этих накормила? И как это ваша сестрица Нелл и своего мужа не отправила поужинать к бедной женщине!

– Нет! – воскликнул Ричард, схватив ее руку и хорошенько встряхнув. – К тебе пришел поужинать король!

Миссис Пендерел еле слышно пробормотала:

– Ты нас погубишь! Ручаюсь, тебе бы целую кучу денег отвалили, если бы ты сообщил...

Она осеклась и побелела от ужаса, заметив, как смотрит на нее Ричард. Он тяжело дышал и сопел. Миссис Пендерел испугалась, что он ее сейчас ударит, и торопливо сказала:

– Ладно, сейчас соберу поужинать.

Выдернув руку из железной лапы Ричарда, женщина обернулась и натолкнулась на пристальный взгляд короля, устремленный на нее из-под тяжелых век.

Она покраснела и произнесла оправдывающимся тоном:

– Я вашей чести плохого не желаю, но мы бедные люди, и, ежели с моим мужем что-то случится, я не знаю, как мы с этой невинной малюткой будем жить.

– А ну, подавай ужин! – прорычал Ричард и поспешил извиниться перед королем: – Не обращайтесь на нее внимания, господин! Это бедное, глупое создание. Ваша честь может чувствовать себя в полной безопасности у меня в гостях.

– Я в этом не сомневаюсь, – откликнулся король и наклонился, чтобы ослабить застежку на башмаках. – Как можно приспособить эту обувь к моим дурацким ногам?

Увидев, что король неловко возится с застежками, Фрэнсис Йатс выскочил вперед и опустился на колени, помогая королю. Нан Пендерел выпучила глаза, заметив, что ее дядя стаскивает башмаки с ног незнакомого гостя, и удивленно спросила:

– А что, дядя сам не может разуться?

В глазах короля мелькнули искорки смеха; он ласково протянул к девочке руку:

– Да, малышка, это правильный вопрос. Видишь ли, меня очень дурно воспитывали.

Девочка подошла поближе.

– А ты кто? – спросила она. – Я тебя не знаю.

– Я некий Уилл Джонс, дровосек, который явился сюда на поиски работы, – ответил король, сажая ее на колени. – Как ты думаешь, меня кто-нибудь наймет?

Малышка покачала головой и ответила с видом умудренной опытом женщины:

– Сейчас очень трудные времена. Работы для честных людей нет. А почему ты надел камзол моего папы?

– Потому что у меня другого нет, мисс Востроглазая Красавица.

– Тогда ты, должно быть, очень бедный человек, – сказала девочка.

– Да, очень бедный, – со вздохом подтвердил король.

Нан взяла его за руку.

– Не горюй. Мой отец позаботится о тебе, – сказала она.

– Никогда не видел, чтобы Нан так прилипла к незнакомцу! – заметил Ричард, и его губы медленно растянулись в улыбке. – Но ей негоже докучать вашей милости.

– Оставь ее, мы с ней прекрасно понимаем друг друга, – возразил король.

Иатс поднялся с колен, приговаривая:

– Нан будет гордиться всю жизнь, вспоминая этот день!

– Ежели доживет до этого! – пробормотала миссис Пендерел, склонившись над кастрюлей.

Потом бросила беглый взгляд на башмаки, которые держал Йатс, и ворчливо добавила:

– Раз они натирают ноги его чести, то положи в них бумагу. Ему сразу станет полегче, вот увидишь.

Когда ее указание было выполнено и башмаки вновь оказались на ногах короля, яичница с беконом уже была готова. Король велел Ричарду сесть вместе с ним за стол и разделить трапезу. Он с таким удовольствием поглощал эту простую пищу, что Нан вытаращила глаза еще сильнее.

– Бедный Уилл Джонс! – сочувственно вздохнула она. – Неужели ты такой голодный?

– Да, у меня отменный аппетит, – откликнулся король.

– Что верно – то верно, – пробормотала себе под нос хозяйка, глядя, как король поглощает весь запас еды на следующий день.

Наевшись и напившись, король попросил Ричарда поподробнее рассказать о своих соседях и, узнав, что мистер Вулф – роялист, все сыновья которого участвовали в последней гражданской войне, с радостью согласился ему довериться. Но, к ужасу братьев Пендерелов и Фрэнсиса Йатса, он не позволил им сопровождать его в Меделей, заявив, что это не нужно и они лишь подвергнут свою жизнь бессмысленному риску. Они были совершенно ошарашены, ведь все трое намеревались отправиться с королем в качестве его телохранителей, однако он поблагодарил их, и они поняли, что он твердо решил взять с собой только Ричарда.

Не кто иной, как Иатс проявил предусмотрительность и поинтересовался, есть ли у короля деньги.

– Деньги? – переспросил король. – Да... вернее, нет! У меня были только золотые, и я отдал их моим приближенным.

– Ежели ваше величество соблаговолит принять то, что у меня есть, я с радостью отдам вам мои сбережения, – сказал Йатс, доставая из-за пазухи кошелек. – Я так и думал, что у вас с собой ничего не имеется, ведь Ричард сказал, вы все раздали. Вот я и решил принести свои денежки.

Иатс вытряхнул содержимое кошелька на ладонь и аккуратно разложил на столе серебряные монеты. Его сбережения равнялись тридцати шиллингам, и он явно рассчитывал, что король возьмет все монеты до единой.

Когда Карл взял всего десять шиллингов, а остальные велел спрятать и сохранить, Иатс покраснел и сказал:

– Лучше бы ваше величество взяли все, ведь это такая малость!

– О нет, я думаю, так много мне никогда не предлагали, ведь это все, что у тебя есть, – возразил король. – Я не умею рассыпаться в благодарностях, друг, но поверь, я этого не забуду.

Ричард, немного отдернувший занавески, чтобы выглянуть в окошко, снова задернул их и заявил, что на улице уже темно и можно идти дальше. Король положил деньги Фрэнсиса Иатса в карман и ответил, что он готов, но едва собрался выйти за дверь, как Хэмфри, за несколько

минут до этого выскользнувший из кухни, вернулся рука об руку с дородной старухой, которая принялась нетерпеливо оглядывать комнату пронизательными, ясными глазами.

– Где он? – воскликнула она. – Дайте мне хоть раз взглянуть на него и возблагодарить Бога за то, что мои сыновья удостоились такой чести!

– Это наша мать, сир, – объяснил Ричард. – Она честная женщина, вы можете ей доверять. Матушка, вот это король.

Женщина на мгновение замерла, вцепившись в руку Хэмфри, и, медленно расплываясь в восторженной улыбке, окинула взглядом высокую фигуру короля. Его стриженная голова почти касалась дубовой балки, под которой он стоял.

Мамаша Пендерел отпустила руку Хэмфри и воздела кверху обе руки.

– О, какой же он большой и красивый юноша! – воскликнула женщина. – Он такой же громадный, как мой Уилл! Они совершенно одного роста, дюйм в дюйм! Ах, мой господин, блажен тот день, когда ваше величество появилось в моем доме! Позвольте старой женщине заглянуть вам в лицо, господин, ибо однажды я видела вашего царственного отца, да будет благословенна его память, и я умру совершенно счастливой, ежели мне удастся увидеть и ваш прекрасный лик!

С уст короля сорвался смешок.

Он сказал:

– Я от всего сердца рад вам угодить, добрая матушка, но боюсь, мое лицо огорчит вас, ведь его никто никогда не называл прекрасным!

Король подошел к женщине, взял ее за руку, подвел к лавке, стоявшей возле камина, усадил старушку, а сам грациозно опустился на одно колено и поднял на нее глаза, в которых плясали веселые искорки.

Женщина протянула узловатую руку к голове короля, но в последний момент, когда казалось, рука вот-вот дотронется до головы, старуха ее отдернула.

– Эх, мой господин, что же они сделали с вашими красивыми локонами? – спросила она.

– Да ничего особенного, матушка, просто отрезали, чтобы меня никто не узнал.

– Как бы мне хотелось сохранить один на память! – вздохнула старая женщина. – Вот счастливый день! Какой же вы широкоплечий, а ваш царственный батюшка был маленький, тщедушный! О, радость! Как хорошо, что я дожила до такой чести!

Она осмелилась положить руку ему на плечо и улыбнулась слегка подрагивающими губами.

– Благословен Господь, что Он позволил моим сыновьям помочь вашему величеству! – воскликнула старуха. – Я горжусь, да-да, и они гордятся тем, что им оказано такое доверие. Ежели они подведут вас, мой господин, то все! Они мне больше не сыновья!

– Ах, добрая матушка, если бы все мои подданные были бы так честны, как ваши сыновья, то мне не пришлось бы воевать за мое королевство, – сказал король. – Я в таком долгу перед вами и не знаю, смогу ли отплатить вам тем же, но, слово Карла Стюарта, я постараюсь!

С этими словами он поцеловал ее в щеку и поднялся на ноги.

– Мой господин, – воскликнула старушка, которой слезы застилали глаза. – Вы согрели мое старое сердце. Спаси и сохрани вас Господь!

– Ваше величество, нам давно пора, – напомнил Ричард. – Мы еще девять миль должны прошагать, а ночи сейчас очень темные.

– Я готов, – ответил король и, снова нахлобучив потрепанную шляпу, взял палку от метлы, которую дал ему Йатс.

Трое мужчин, которым он не позволил сопровождать себя, бросились на колени, поцеловали Карлу руку и пожелали ему поскорее добраться до места назначения. Ричард отворил дверь, осторожно выглянул, посмотрел на дорогу и кивнул королю, давая понять, что можно выходить в темноту.

Глава 4

«Кто здесь?»

Меделей находился восточнее Северна, и из Хоббал-Грендж туда проще всего было попасть по дороге, которая вела через Тонг и Шифнал. Но поскольку Ричарду было известно, что в обоих этих местах расквартированы отряды мятежников, он предложил королю пробираться полями и более пустынными проселочными дорогами, испещрявшими ту местность. Король согласился, но вскоре пожалел о своей уступчивости. Совершенно непривычный к ходьбе, он убедился в том, что путь по лугам и лесам нелегок. Карл то и дело оступался в темноте, спотыкался о корни деревьев или о кучки земли, оставленные кротом, а главное, каждый шаг в тесных башмаках причинял ему острую боль. Ричард шагал чуть впереди, в его неизящной походке не чувствовалось ни малейшей усталости; лишь порой он спохватывался и, оглянувшись, помогал королю перелезть через изгородь или перебраться через особенно глубокий овраг. Однако частенько забывал, что король не деревенский парень и его тело не привыкло с детства к подобным упражнениям.

Карл не жаловался; он даже немного досадовал на себя за то, что так часто спотыкается и так жестоко страдает от неудобств, которые причиняют ему башмаки и грубая рубаха. Один раз он, правда, был вынужден попросить своего провожатого не торопиться, потому что сильно отстал и мог потеряться; но когда Ричард услышал его и возвратился, обещая впредь быть поосторожнее, Карлу даже удалось отпустить шуточку в свой адрес.

Ричард боялся повстречать какого-нибудь припозднившегося путника и предпочитал идти по полям и лесам, хотя на пути им попадались дороги. Королю же казалось, что провожатый выбрал самый трудный путь, который только можно себе представить. Иногда ежевика цеплялась за его плащ, длинные колючие ветки стлались по тропинке, путались в ногах и рвали чулки Карла; в другой раз он наткнулся на дерево, которое вдруг выросло перед ним, или же проваливался по щиколотку в грязную лужу. А однажды король обжегся о крапиву, и рука так болела и зудела, что он не выдержал и выругался вслух.

Ричард торопливо зашикал на него, предупреждая, что здесь поблизости жилье.

– Черт бы побрал этот дом и всех его обитателей! – яростно воскликнул король и лизнул обожженную руку. – Я угодил рукой прямо в крапиву!

Ричард, разумеется, отнесся к этому как к самому обычному делу.

Он успокаивающе произнес:

– Зуд скоро пройдет. Будь сейчас посветлее, я бы нашел щавелевый листок, чтобы ваша честь потеряла больное место. Удивительно, как щавель снимает боль от крапивы.

Это замечание раздосадовало короля, но едва он собрался сказать в ответ что-нибудь едкое, как до него вдруг дошел весь юмор ситуации, и Карл расхохотался.

Ричард, позабыв про уважение к королевской особе, схватил его за руку и слегка встряхнул.

– Перестаньте, перестаньте! А не то мы насторожим здешних жителей, помяните мое слово!

Они прошли еще одну милю. Королю уже было не до смеха; он с трудом удерживался от стонов, поскольку ноги, сведенные судорогой и натертые до волдырей, страшно болели. Карл никогда еще так не уставал; голова его кружилась и подчас, казалось, отделялась от туловища, поэтому он шагал неуверенно; шляпа давила на лоб, словно железный обруч, и, хотя король вертел ее то так, то этак, облегчения не наступало. Он стиснул зубы и поковылял дальше, но каждый шаг причинял ему страдания, и наконец Карл, не в силах более выносить их, попросил Ричарда остановиться.

Ричард тут же замер и, обернувшись, обнаружил, что король сидит на мокрой земле. Ричард присел рядом на корточки и обеспокоенно спросил, в чем дело: может, его величеству дурно или же король ушибся?

– Нет, – слабым голосом ответил Карл. – Дай мне нож, если он у тебя есть!

– Нож? – тупо переспросил Ричард.

– Да, нож!

– А зачем вашей светлости нож? – осторожно поинтересовался Ричард и на мгновение оцепенел от ужаса, заподозрив, что король потерял рассудок.

– Чтобы разрезать эти башмаки, болван!

Обрадованный Ричард сунул руку в карман и, достав большой складной нож, протянул его королю. Карл скинул башмаки и разрезал их крест-накрест. Ему стоило немалых трудов надеть башмаки снова, но он справился с этим и, закусив губу, всунул в них свои кровоточащие пятки.

Затем вернул нож Ричарду и кое-как поднялся на ноги, произнеся с деланой веселостью:

– Что ж, теперь хоть можно пошевелить пальцами. Ладно, мой верный Дик, води меня дальше!

– Боюсь, вашей чести нелегко будет продолжать путь, – сказал Ричард, которого тревожило, что король так утомлен. – И наверное, вы захотите немного поспать, когда мы дойдем до мистера Вулфа?

– Действительно, – согласился король.

Они двинулись дальше; сперва в разрезанных башмаках идти было легче, поскольку они не так стискивали распухшие ноги короля, но потом начались новые мучения: в разрезы начала набиваться грязь и попадали мелкие камешки.

После бесконечных подъемов на холмы и спусков вниз – причем Ричард порой сбивался с пути и не знал, куда идти дальше, – они вышли на ухабистую дорогу, и Ричард сказал, что в местечке Эвелит-Милл она вливается в дорогу, ведущую в Меделей. Час был уже поздний, и они могли не опасаться встречи с какими-нибудь путниками. Вообще-то Ричард предпочел бы и дальше пробираться полями и лесами, но считал, что королю будет легче ковылять по дороге, пусть даже такой ухабистой, и помог Карлу перебраться через изгородь, ободряя его тем, что им осталось идти всего пять миль.

Король ничего не ответил. У него было такое чувство, будто он спит и видит страшный сон, от которого должен скоро пробудиться. Он был сейчас настолько далек от реальности, что когда борющийся с кошмаром мозг уверял: «Я – Карл Стюарт, король Англии!», бедному монарху эта фраза казалась полной бессмыслицей, цепочкой каких-то непонятных слов, неотвязно и раздражающе вертевшихся в голове. Время от времени он пытался отвлечься от боли в теле и истерзанных ногах, пытался подумать о будущем, но разум опять подводил его, уныло твердя: «Я должен добраться до Франции!» А это казалось такой же дичью, как и то, что сия обессиленная телесная оболочка принадлежала тому же Карлу Стюарту, который в среду, третьего сентября одна тысяча шестьсот пятьдесят первого года от Рождества Христова повел свое войско в наступление на врага.

Он попытался вспомнить, как давно это было, и в итоге ему пришлось поинтересоваться у Ричарда, какой сегодня день недели. Когда Ричард ответил: «Четверг», король досадливо поморщился и заявил, что Ричард ошибается, но затем, поразмыслив, признал правоту крестьянина. Действительно, всего сутки миновали с тех пор, как он, Карл, ехал в темноте с Уилмотом и Тэлботом, а следовавший за ними по пятам Бэкингам отпускал шуточки насчет того, что король получит на ужин целого быка.

Ричард – теперь он шел рядом с Карлом – вдруг тронул его за рукав и указал вперед. Молодой месяц сиял в чистом ночном небе, словно серебряный серпик, но не это привлекло внимание Ричарда.

У подножия холма, по которому они спускались, виднелись темные очертания большого дома. На первом этаже сквозь щели в ставнях просачивался свет и раздавались приглушенные голоса, гул которых сливался с журчанием воды на водяной мельнице.

– Шагайте потише, мой господин, – прошептал Ричард. – Похоже, у мельника гости. Но в такой поздний час... Знаете что, ваша честь? Ежели мы повстречаем кого-нибудь незнакомого, вы лучше молчите, как будто вы немой.

Они спустились по холму, стараясь ступать как можно тише, и подошли к деревянному мостику, перекинутому через речку. К мосту вели ворота; когда Ричард открывал их, они громко заскрипели, и он чертыхнулся себе под нос. Закрывать за собой и за королем ворота Ричард не рискнул и решил оставить приоткрытыми, но они захлопнулись сами, да еще с таким грохотом, что мельник выглянул из дома и спросил сочным басом:

– Кто здесь?

Ричард крикнул через плечо:

– Друзья! Мы идем домой!

– Если вы друзья, то остановитесь и покажитесь! – скомандовал мельник, приближаясь к мосту.

Ричард схватил короля за руку, шепнул: «Бежим!» – и пустился со всех ног по дороге, которая вела от моста вперед. За их спинами слышались тяжелые шаги: мельник бежал, попадая ногами в глубокие лужи и спотыкаясь о дорожную колею. Наконец король, вырвав свою руку из руки Ричарда, прошептал, задыхаясь:

– Давай через изгородь!

И, собрав отстатки сил, перепрыгнул через низкую ограду, угодил в канаву и затаился в ней.

Ричард последовал его примеру, и некоторое время оба лежали, с трудом переводя дух и прислушиваясь, не приближается ли мельник. Когда же стало ясно, что мельник отказался от погони и вернулся домой, Ричард принялся торопить короля, призывая его поскорее продолжить путь.

– Лучше похорони меня прямо здесь, – вздохнув, молвил Карл, и непонятно было, то ли он шутит, то ли говорит серьезно. – Я не могу сделать больше ни шагу.

Ричард снова нашел в темноте его руку и попробовал помочь королю подняться с земли.

– Нет-нет, господин, не говорите таких глупостей! Ну, пойдемте же! Осталось совсем чуть-чуть, а потом можно будет славно отдохнуть.

С уст короля сорвался стон, но все же он с усилием встал на ноги. После опасного приключения на мельнице Эвелит-Милл Ричард боялся идти по дороге. Он снова углубился в поля, но недооценил степени усталости короля и обмер от ужаса, когда Карл рухнул на землю почти без сознания. Лишь с огромным трудом Ричарду удалось убедить короля пройти еще немного, пришлось пообещать, что через несколько минут дорога станет лучше.

Остаток пути был преодолен только благодаря ослиному упрямству Ричарда. Это были уже не отношения короля и его вассала. Ричард видел перед собой просто измотанного юношу, которого не мытьем так катаньем надо заставить добрести до надежного убежища. Когда король падал, шепча, что никакая судьба его более не страшит, что он хочет одного – покоя, Ричард уговаривал Карла подняться, уверяя, что осталось пройти всего пару сотен ярдов – и они будут в безопасности; когда же король отмахивался от Ричарда, тот бранил его за капризы и потешался над отчаянием Карла, уже не верившего, что ему удастся добраться до Франции. Ричарду было так важно доставить короля целым и невредимым, что он совершенно не мог понять, насколько Карл раздавлен своим поражением. Ему не приходило в голову, что Карл предпочтет умереть, нежели провести жизнь в изгнании. Ричард смутно догадывался, что страдания короля не сводятся к боли в ногах, но поскольку был не в состоянии облегчить горе, которого толком не понимал, то ему оставалось заботиться не о душе монарха, а лишь о теле.

Уже была полночь, когда они наконец добрались до Меделея и увидели дом мистера Вулфа, старинный особняк, стоявший у дороги, которая вела через город. С трех сторон дом был окружен полями и длинными деревянными сараями.

Король, ковылявший последнюю милю молча, приободрился, когда Ричард сообщил, что они уже у цели. Карл велел Ричарду оставить его одного в поле, а самому подойти к дому. Ричард с сомнением уставился на короля, но Карл сел, прислонившись спиной к изгороди, и устало сказал:

– Надо сперва узнать, готов ли он принять столь опасного гостя в своем доме. Спроси, даст ли он приют «кавалеру», потерпевшему поражение в бою и бежавшему из Ворчестера. А я подожду тебя здесь.

Ричарду казалось невероятным, что среди англичан, сохранивших верность короне, найдется человек, который не пожелает приютить у себя короля, но к тому времени он уже обнаружил, что Карл порой проявляет упрямство, поэтому не стал спорить, а послушно отправился будить обитателей дома.

Свет нигде не горел, но дверь в ответ на настойчивый стук отворилась, и на пороге показалась худая женщина в чепце, завязанном под подбородком, и шали, накинутой поверх ночной рубашки. Вид у нее был испуганный; она взглядела в Ричарда близорукими, добрыми глазами, держа в руке чающую свечу.

Ричард почтительно попросил ее разбудить мистера Вулфа и сообщить, что его хочет видеть преданный слуга короля.

Свеча задрожала.

Женщина шепотом произнесла:

– Я его дочь. О, вы принесли известия от моего брата?

– Нет, я не знаю его, госпожа. Мне надо повидать мистера Вулфа.

Женщина сказала довольно растерянно:

– Он в постели.

– Мне надо его повидать, – повторил Ричард.

Женщина впустила его в дом и тихонько притворила за ним дверь.

– Я его разбужу. А у вас не плохие новости?

– Нет.

– Подождите здесь, – велела она и удалилась по лестнице на второй этаж, словно испуганный призрак.

Через несколько минут Ричард увидел дрожащие отблески приближающегося пламени. К нему спустился старый джентльмен с посеребренными сединой волосами; джентльмен поднял повыше свечу, стараясь разглядеть Ричарда.

– Кто ты, приятель? – пронзительным шепотом спросил он. – Я тебя не знаю. Зачем ты явился ко мне в столь поздний час?

– Мне бы хотелось узнать, предоставит ли ваша честь кров «кавалеру», потерпевшему поражение в бою, – ответил Ричард, старательно выговаривая заученную наизусть фразу. – Этот джентльмен бежал из Ворчестера, – добавил он.

Мистер Вулф так сильно вздрогнул, что капли воска со свечи пролились на пол.

– Нет! – резко сказал он. – Разве тебе неизвестно, что мой сын до сих пор томится в Шрюсберийской тюрьме? Отведи этого человека в какой-нибудь другой дом!

– Тут нет другого дома, хозяин, – твердо заявил Ричард.

– А мне нет до этого дела! Я прекрасно понимаю, что давать приют подобным людям слишком опасно. Только ради самого короля я согласился бы рисковать своей жизнью!

Ричард тупо посмотрел на него, но потом медленно начал что-то соображать...

– Ну да ладно, скажу... Это и есть король, – наконец произнес он.

Вулф ошалело воззрился на Ричарда, а затем воскликнул:

– Лжешь, приятель!

Ричард покачал головой.

Худая рука старика судорожно вцепилась в перила лестницы.

– Сам король? Где он?

Ричард указал большим пальцем себе за спину.

– Господи, да каким ветром его сюда занесло? – пробормотал Вулф. Он нетвердой походкой спустился с последних ступенек и поднес свечу к лицу Ричарда. – А ты-то кто такой? Как с тобой оказался король?

– Я Ричард Пендерел, господин. Я из Хоббал-Гренджа, что в приходе Тонг.

– А где сейчас его величество?

– Там, во дворе. Он хочет перебраться в Уэльс.

– Не может быть! – воскликнул Вулф.

Он принялся нервно грызть ногти, а Ричард смотрел на него с легким оттенком презрения.

Наконец мистер Вулф поднял на него глаза и раздраженно буркнул:

– Так чего же ты ждешь, болван? Приведи сюда его величество! Но только потихоньку! Никто не должен знать, что он побывал здесь!

Ричард бросил на него еще один долгий, задумчивый взгляд и отправился на поиски короля.

Карл сидел, подперев рукой подбородок, там, где его оставил Ричард. Заслышав шаги Ричарда, а затем и увидев его богатырский силуэт, приближавшийся к нему в лунном свете, король со вздохом выпрямился и, едва Ричард подошел поближе, поинтересовался:

– Ну что? Он готов меня приютить?

– Ага, готов, – ответил Ричард. – Я, правда, думал о нем лучше, но что поделаешь?!

– Ты сказал, как я тебе велел? – продолжал расспрашивать Ричарда король.

– Ага, но все без толку. «Только ради самого короля я рискну своей жизнью», – заявил он. Ну, я взял – и сказал ему, кто вы такой.

– Сказал? Без разрешения? – возмутился Карл. – Но ты не имел права так поступать! Если б я знал, что он рассуждает подобным образом, ни за что на свете не доверился бы ему!

Но на Ричарда слова короля совершенно не повлияли.

Он рассудительно произнес:

– Да, похоже, я не мог ему не сказать. Вы же должны отдохнуть, господин. Не браните меня. Теперь, когда старый джентльмен все знает, он вас не предаст.

Король поднялся на ноги и обреченно пробормотал:

– Ладно, что сделано – то сделано. По правде сказать, мне почти безразлично, что со мной станется.

– Когда вы поспите, вы, может быть, начнете рассуждать иначе, мой господин, – ответил Ричард.

К тому моменту, когда они добрались до дома, мистер Вулф и его дочь уже кое-как оделись и ждали гостей в прихожей. Как только Ричард постучался, Вулф открыл дверь и, церемонно поклонившись, произнес с присущей ему холодной чопорностью:

– Весьма сожалею, что приходится видеть ваше величество здесь в таком наряде.

– Ну, я все-таки сожалею об этом еще больше! – сказал король, в глазах которого вдруг на мгновение снова вспыхнули искорки неистребимого юмора.

Он шагнул через порог и заморгал, неожиданно попав из темноты на свет. Энн Вулф, присевшая было в глубоком реверансе, не удержалась и вскрикнула, напуганная зрелищем, которое являл собой Карл. Плохо сидевшая одежда была забрызгана грязью и испачкана потом; из рваных башмаков на каменные плиты пола капала вода, а шляпа была куда больше под стать пугалу, а не человеку. Под ее потрясенным взглядом – она смотрела на него, прикрыв рот

рукой, – король снял эту шляпу и с легким вздохом отбросил со лба мокрые кудри. А потом поднял на дочь Вулфа налившиеся кровью, усталые глаза, в которых мелькнула усмешка.

Король сказал:

– Мой вид, должно быть, до смерти пугает добропорядочных особ.

– О, сир! Каким жестоким испытаниям подверглись ваше священное величество! – пролепетала Энн.

Ее отец, то и дело с тревогой косившийся на лестницу, вмешался в их разговор и зашептал:

– Мы не должны здесь разговаривать в полный голос. Если слуги проснутся и услышат нас, нам конец! Никто не должен проведать о приходе вашего величества. Город кишит мятежниками! Уж не знаю, кто дал вам такой неверный совет, кто сказал, чтобы вы направились сюда, сир, но я очень об этом сожалею. Более верного слуги, чем я, вам не найти, но и я ничем не могу помочь вам. За мной постоянно следят и шпионят, а один из моих сыновей до сих пор томится в Шрюсберийской тюрьме. Я каждый день жду известий о его освобождении, но если сегодняшняя история выплывет на свет божий, я не знаю, какой будет участь моего бедного сына!

– О, не надо об этом, дорогой отец! – взмолилась дочь, с жалостью глядя на короля, который прислонился к резной спинке стула и следил за происходящим с насмешливым выражением на изможденном лице. – Его величество совсем без сил. Пойдемте в гостиную, сир! Поверьте, поверьте: в этом доме вы в безопасности!

И, подхватив одну из свечей, которые она уже успела зажечь, хозяйская дочь провела короля в уютную комнату, располагавшуюся неподалеку от входной двери.

Когда король рухнул в услужливо подставленное кресло, женщина проницательно поглядела на него и воскликнула:

– А вы ужинали, сир? Может быть, ваше величество не откажется что-нибудь отведать? Увы, мы совершенно не представляли, что будем удостоены такой чести! Но в кладовке есть несколько кусочков холодного мяса... если вы, конечно, соблаговолите принять такую простую пищу.

Король одарил ее благодарной улыбкой:

– Леди, за тарелку холодного мяса я всю жизнь буду стоять на часах у вашей спальни и сторожить ваш покой.

– Если огонь еще не погас, я сделаю соус фрикасе для вашего величества, – сказала женщина. – Я мигом, сир!

Но Вулф торопливо вмешался:

– Нет-нет, Энн, не надо ничего готовить! Слуги это обнаружат, а если про сегодняшнюю ночь станет известно, я не отвечаю за последствия. Принеси мясо и немного вина. И поскорее, девочка! Ты меня слышишь?

– Пожалуйста, не забудьте и про моего верного слугу, – попросил король.

Энн ушла, пообещав скоро вернуться.

Ее отец довольно сурово произнес:

– Мне бы не хотелось, чтобы ваше величество решили, будто я не желаю вам угодить. Я сделаю все, что в моих силах, – хотя это такая малость! – однако смиренно советую вам как можно скорее покинуть здешние края.

– Не тревожьтесь. Я не допущу, чтобы меня арестовали в вашем доме, – заверил Вулфа король. – При первой же возможности я переправлюсь в Уэльс.

– Сир, это исключено! На мосту стоит стража, все переправы охраняются так зорко, что там даже мышка не прошмыгнет!

Король секунду помолчал, слегка оттопырив нижнюю губу.

Потом широко зевнул и сонно произнес:

– Проклятье! Тогда, наверное, они-таки получают мою голову! Но сперва я должен немного отдохнуть. Здесь можно где-нибудь прилечь – так, чтобы меня никто не увидел?

– Сир, вы должны знать, что я почел бы за великую честь предоставить вашему величеству мою собственную постель! Я не делаю этого только ради вашего же блага. Только беспокоясь о вашей безопасности, я не оставляю вас под моей крышей! Мятежники в любой момент могут явиться сюда с обыском. Мне приходит в голову только одно, и – Бог свидетель! – это весьма рискованная затея! У меня есть сарай, сир. Там полно сена, и ваше величество может спрятаться в нем и пролежать там целый день до наступления темноты. Надеюсь, никто не догадается искать вас в этом сарае.

– Что ж, такая затея мне очень даже по душе, – откликнулся король.

Стоявший за стулом Карла Ричард подошел к королю и, бухнувшись перед ним на колени, заявил, как всегда, напрямик:

– Надо идти в Боскобел, мой господин. У моего брата Уильяма там надежный тайник, и он будет счастлив услужить вам, это точно!

Король с улыбкой посмотрел на него:

– Мой верный Дик! Неужели ты еще не устал от сей тяжелой ноши?

– Не говорите глупостей, господин. Когда вы отдохнете, я доставлю вашу честь в Боскобел в целости и сохранности.

– Ричард, мои ноги не выдержат столь долгого перехода.

– Ничего, господин, выдержат, – решительно возразил Ричард.

В этот момент мисс Энн вернулась в гостиную с холодным мясом и вином, которые она поставила на столе перед королем. Он поблагодарил ее и пригласил Ричарда за стол, чтобы он съел свою долю.

Вулф не выдержал и шокированно воскликнул:

– Парень поест и на кухне! Не можете же вы посадить его за один стол с собой, ваше величество!

Король поднял на него глаза, в которых светилась язвительная усмешка, и пробормотал, не прожевав кусок мяса:

– Ошибаетесь, сэ. Он сядет за стол рядом со мной.

– Как угодно вашему величеству, – напряженно поклонившись, ответил Вулф.

Он ждал, слоняясь по комнате и время от времени прислушиваясь к тому, что делается наверху, а король с Ричардом ели свой ужин, запивая его вином. Вулфу так не терпелось отправить их в сарай, где, по его мнению, было безопаснее, что не успел король поставить на стол пустую кружку, как хозяин принялся торопить его, призывая покинуть дом. Вулф велел дочери принести фонарь, взял его и вывел гостей через черный ход во двор, а затем подвел к одному из больших сараев, которые они видели издалека, когда шли по полям.

В сарае приятно пахло сеном; курица-наседка, дремавшая в углу, сонно закудаhtала; по полу прошмыгнула крыса...

Королю устроили постель в гряде сена, в самом конце сарая. Он опустился на нее, приговаривая, что он прекрасно заснет и без напитка Венеры. Ричард присыпал короля сверху сеном и сам растянулся рядом с ним. Мистер Вулф посветил себе фонарем и, убедившись, что вокруг – ни души, ушел, закрыв за собой дверь сарая.

– Простите, что я привел сюда вашу честь, – сказал Ричард.

– Ричард, я сплю, – сонно пробормотал король.

Спустя десять минут это уже была правда. Обессиленный от невероятного напряжения и волнений, преследовавших его последние двое суток, король погрузился в глубокий сон. Он проспал всю ночь и полдня, однако Ричард, который то дремал, то просыпался, лежа рядом с королем, не думал, что сон освежит его величество, ибо спал Карл беспокойно, руки и ноги его судорожно дергались; видимо, ему снились кошмары, потому что Карл во сне разговаривал

и даже кричал. Наконец Ричарду пришлось его разбудить: он испугался, что голос короля кто-нибудь услышит. Карл пошевелился и открыл глаза, бормоча имя одного из своих приближенных. Когда же грезы немного развеялись, он приподнялся на локте и изумленно посмотрел по сторонам... ему вдруг показалось, что он лежит в постели в Ворчестере... Почувствовав, как соломинка щекочет его руку, Карл непонимающе заморгал, но затем глаза его остановились на Ричарде, и он вспомнил, где находится.

– Что такое? – прошептал король.

– Ничего, мой господин, просто вы так громко кричали во сне, что пришлось вас разбудить. Вы кричали: «Все пропало!»

– Мне приснился дурной сон, – сказал король, закрывая глаза руками. – Который час?

Ричард покачал головой:

– День в разгаре. Это все, что я знаю, господин.

Король снова лег и немного поразмышлял о своем будущем. Накануне вечером в Хоббал-Грендже было решено, что кто-нибудь из Пендерелов сообщит о решении короля бежать в Уэльс лорду Уилмоту. Но сейчас Карлу вдруг пришло в голову, что он, вероятно, потеряет связь с единственным оставшимся другом, ибо он велел Пендерелам передать Уилмоту, чтобы он думал о своем собственном спасении. Теперь, когда план укрыться в Уэльсе рухнул, выход был, по всей видимости, один: вернуться в окрестности Уайт-Ледис, как предлагал Ричард, и попробовать перебраться оттуда либо в Лондон – согласно своему первоначальному замыслу, – либо в Бристоль, где король очень надеялся найти корабль, отправляющийся во Францию. Его усталому уму казалось почти невозможным достичь любого из этих двух городов. Лежа с полужакрытыми глазами, король глядел на высокие балки, поддерживающие крышу, и морщины, протянувшиеся от его большого носа к уголкам губ, становились все отчетливей... Наконец у короля вырвался то ли вздох, то ли стон.

Ричард тут же приподнялся на локте и обеспокоенно посмотрел на короля.

– Что случилось, мой господин?

– Ничего, – ответил Карл. – Просто меня снедает тревога.

Ричард, для которого Боскобел был конечным, а не перевалочным пунктом, решил, что король боится перехода в девять миль, и сказал:

– Когда ваша честь еще выпится и перекусит, переход вам будет нипочем, помяните мое слово!

– Надеюсь, ты прав, – вздохнул Карл.

– Еще бы не прав! А вообще, по правде сказать, это же все пара пустяков! Ежели бы вас правильно воспитали, вы могли бы за одну ночь два раза туда и обратно пройти – и глазом бы не моргнули!

– Увы, значит, меня воспитывали неправильно! – усмехнулся король.

День близился к закату; все это время король то засыпал, то вновь просыпался. Под вечер в сарай проскользнула пожилая дама с корзинкой; оглянувшись на дверь и убедившись, что за ней никто не следит, она принялась карабкаться по грудам сена в угол сарая, где лежал король. И тихонько шептала:

– Сир! Сир!

– Эта старая дама – сама миссис Вулф, – прошептал Ричард на ухо королю.

Карл сел и отряхнулся. Едва завидев короля, миссис Вулф бросилась на колени:

– Какое горе видется с вашим величеством вот так, здесь! О сир, простите, что я не имею никакой возможности принять вас как подобает, у себя дома! Но право же, я опасаясь не за свою жизнь!

– Ну что вы! – сказал Карл. – Уверю вас, мне здесь очень удобно.

Она расстелила на сене скатерку и достала из корзинки пирожки, белый хлеб и бутылку вина, пробка которого была залита черной смолой. Пока король ел и пил, она стояла рядом с

ним на коленях и то сетовала на его горькую участь, то просила сказать, чем она может помочь. Поскольку помочь королю миссис Вулф ничем не могла, он находил ее причитания несколько утомительными, однако отвечал ей очень терпеливо. Наконец, заметив белизну его рук, женщина воскликнула, что хотя бы эта беда поправима, и пообещала приготовить отвар грецкого ореха, благодаря которому его кожа приобретет смуглый оттенок.

Позднее в сарай явился ее супруг, за которым следовал по пятам человек с выправкой военного. Это оказался брошенный в темницу сын, его как раз досрочно освободили из Шрюсберийской тюрьмы. Похоже, он был бы счастлив помочь королю, но не мог, поскольку ему не было позволено отходить от дома дальше, чем на пять миль. Сына до глубины души потрясли жалкие лохмотья короля и его рваные башмаки, однако он был меньше и тщедушнее, поэтому никаких своих носильных вещей предложить Карлу не мог.

С наступлением темноты сын Вулфа вывел короля из сарая и провел в дом, откуда миссис Вулф уже усала под разными предлогами всех слуг. Карлу подали ужин, и, когда он поел, миссис Вулф дала ему длинные белые носки, чтобы Карл надел их поверх своих рваных чулок, и выкрасила ему лицо и руки отваром грецкого ореха, сказав, что он может мыться и умываться безбоязненно: краска сойдет еще не скоро.

Пока они этим занимались, мистер Вулф явно был настороже: он вздрагивал от любого неожиданного звука и часто поглядывал на часы, опасаясь преждевременного возвращения слуг или же появления какого-нибудь позднего гостя, который придет и обнаружит здесь короля. Как только мистер Вулф решил, что выходить на улицу уже не опасно, он вывел короля через черный ход, попрощался с ним и, даже не дожидаясь, пока Карл и Ричард скроются из виду, кинулся обратно в дом – проследить, чтобы не осталось признаков их посещения.

Как следует выпавшись и подкрепившись, король взбодрился, но ноги его болели еще ужасней, чем раньше, и были покрыты волдырями. Он хромал, но не жаловался и всегда, когда бы Ричард к нему ни обратился, отвечал ему очень жизнерадостно.

Разговаривали они довольно мало, ибо оба были по натуре молчаливыми, а короля вдобавок угнетали мысли, недоступные пониманию Ричарда. Карл молча шел туда, куда его вел Ричард; ему было довольно безразлично, куда идти, ибо надежды добраться до Франции фактически не оставалось.

По обоюдному согласию, они обошли стороной Эвелит-Милл, но когда, пройдя четыре мили по страшному бездорожью, приблизились к небольшой речке, то столкнулись с новой трудностью: как перебраться на другой берег?

Ричард, все это время бывший за главного – король послушно следовал его указаниям, – совершенно растерялся. Карл с трудом стряхнул с себя оцепенение и оценивающе взглянул на водный поток.

– Ты умеешь плавать? – спросил он своего провожатого.

Ричард помотал головой.

– Нет, господин, я – нет! – с содроганием произнес он. – Горе, горе! Что с нами теперь будет? Придется идти по мосту в Эвелите!

– Глупости, с какой стати? – возразил король. – Это же крохотная речушка, и я помогу тебе ее пересечь, ведь я-то умею плавать.

Ричард, на суше человек совершенно невозмутимый, вдруг перекрестился и охнул с таким ужасом, что король покатылся со смеху.

– Нет-нет, я в воду не полезу! – замахал руками Ричард. – Я утону... как пить дать утону!

– В этой лужице? – усмехнулся король. – Да будет тебе! Ну-ка дай мне руку, трусишка! Я не позволю тебе утонуть.

Он вошел в речку по пояс и остановился, протягивая руку Ричарду. Тот мялся, стоя на берегу, но потом не выдержал насмешек короля, стиснул зубы и вошел в воду. Она так и не дошла им до груди, и вскоре они достигли противоположного берега. Король неумолимо тянул

за собой своего съездившегося приверженца, а Ричард так судорожно цеплялся за его руку, словно и впрямь вот-вот мог утонуть.

Постаравшись как следует отжать штанины, путники двинулись дальше, но теперь, в довершение всех зол, приходилось идти в мокрой одежде, облежавшей ноги, что было просто невыносимо. Если король с трудом добрался до Меделея, хотя тогда перед ним маячила перспектива благополучно добраться до Уэльса, то обратный путь оказался вдесятеро тяжелее. Он еле волочил распухшие, кровоточащие ноги, и лишь под утро Ричард, приостановившись, сообщил, что впереди наконец виднеется Боскобел.

– Пожалуй, мой господин, – сказал Ричард, – мне лучше сперва одному пойти туда и убедиться, что в доме только Уильям и его добрая жена. Было бы ужасно глупо, ежели бы ваша честь проделала весь этот долгий путь только для того, чтобы вдруг оказаться в ловушке.

– Поступай, как хочешь, – устало пробормотал король.

– Я оставлю вашу честь возле дома, – сказал Ричард, – и пойду разбужу Уильяма.

Король ничего не ответил, но пролез вслед за Ричардом сквозь дыру в изгороди и оказался на лугу, где пахло коровьим навозом. Там Ричард его оставил под деревом, а сам со всех ног кинулся к калитке, которая вела в сад перед домом.

Король сел, прислонившись спиной к дереву, и закрыл глаза. Казалось, прошла целая вечность прежде, чем он услышал вдалеке скрип калитки и звук торопливых шагов. Шаги были слишком быстрыми и легкими, Ричард так не ходил, и король, объятый неожиданной тревогой, вскочил на ноги. В лунном свете король видел силуэт человека, приближавшегося к дереву; за ним маячили еще два силуэта, покрупнее. Карл стоял не шевелясь и стискивал в руке палку от метлы, которая всю дорогу служила ему посохом.

Первая фигура поравнялась с королем и протянула к нему руки, казавшиеся при свете луны ослепительно-белыми.

– Сир, сир!

Король бросил палку на землю. Подавшись вперед, он напряженно вглядывался в лицо подошедшего мужчины. Потом потянулся к нему и крепко схватил за руки.

– Карлис? – недоверчиво прошептал он. – *Карлис?*

– Да, да, мой повелитель! О, господин, что они с вами сотворили? – вскричал майор Карлис, упал на колени и, поднеся руки короля к своим губам, омыл их внезапно хлынувшими слезами.

Глава 5

Королевский дуб

Король склонился над Карлисом, все еще держа его за руки. Он был глубоко расстроен этой неожиданной встречей.

– Карлис! Карлис! А я-то думал, ты погиб в Ворчестере! Как ты здесь очутился?

– О сир, неисповедимы пути Господни! – ответил майор прерывающимся голосом. – Я до сих пор поражаюсь тому, что остался в живых, ибо я был среди тех, кто в числе последних покинул Ворчестер. Но старого вояку, как вы знаете, никакая пуля не берет! – Он поднялся с колен. – Пойдемте в дом, сир. Вот мой старый знакомый, Уилл Пендерел, он пришел попросить вас почтить его дом вашим присутствием.

– Как ты сладкоречив, – усмехнулся король, и в его слабом, усталом голосе зазвучали юмористические нотки.

– О, я частенько подумывал о том, чтобы податься в придворные, сир, – откликнулся майор, ведя короля к дому: одной рукой он по-прежнему сжимал руку Карла, а другой крепко обхватил его за пояс. – Беги вперед, Уилл, и подними с постели свою женушку; я подозреваю, что нам сейчас она будет нужна.

Уильям не сказал в ответ ни слова, но молча припустил вперед размашистым шагом; Ричард же замыкал эту небольшую процессию.

Дойдя до дома, они увидели, что Уильяму не пришлось будить мамашу Джоан и просить ее спуститься вниз. Едва узнав о том, что Ричард привел короля, она сама вскочила с постели и к тому времени, как Карл переступил порог, уже развела огонь в недавно погасшем камине и, с трудом переводя дух, сняла с большого крюка, вбитого в дымоход, чугунный котел, до половины наполненный водой.

Карлис провел короля прямо в кухню, большую комнату с низким потолком, освещенную несколькими сальными свечами и лампой, свисающей с массивной дубовой балки.

Жена Уилла, опрятная, миловидная женщина с розовыми щеками и спокойными глазами, какие бывают у деревенских жителей, почтительно присела, поначалу немного застеснявшись при виде такого высокого гостя; но затем, осмелившись наконец взглянуть на Карла, она увидела, что он совсем еще зеленый юнец, мокрый, грязный, оборванный, и, позабыв о том, что перед ней король, поспешила пододвинуть кресло к огню и сказала через плечо Карлису:

– Подведите бедняжку поближе к камину, господин. А ты, Уильям, затвори дверь и позаботься о том, чтобы ставни были закрыты как можно плотнее! Боже мой, неужели наш непутевый Ричард вел вас прямо по грязи, сир? Ну ладно, теперь вам нечего бояться. Здесь вы в безопасности.

– Да, вы тут, сир, среди друзей, – подтвердил Карлис, и веселость, звучавшая в его голосе, странно контрастировала с жалостливым, потрясенным выражением умных глаз.

Король рухнул в кресло и натянуто улыбнулся хозяевам.

– Благодарю, благодарю вас, – пробормотал он.

Карлис, быстро окинувший фигуру монарха оценивающим взглядом – он сделал это, едва лишь Карл вышел на свет, – резко обернулся и жизнерадостно спросил:

– А что там у тебя в кладовке, мамаша Джоан?

– Увы, немного хлеба и сыра – больше ничего, – ответила женщина.

– О, да это пища королей! – воскликнул Карлис. – Вот увидите, как только его величество попробует ваш сыр, он другого ни за что не захочет! Ричард, пошли со мной за припасами! Давай-давай, пошевеливайся, дружище!

– Ну а я приготовлю посее⁴, – сказала матушка Джоан, окидывая короля опытным взглядом. – Вы, сир, наверняка простудились, ведь вы промокли до нитки. Но ничего страшного, выпьете посее – и простуду как рукой снимет! Уильям, не стой же, словно истукан! Принеси-ка мне поскорее кувшин вина!

– А где милорд Уилмот? – взволнованно спросил король.

– Он в довольно безопасном месте, в доме добропорядочного джентльмена, католика. Это рядом с Мосли. Уильям сейчас вам о нем расскажет! А пока садитесь поближе к огню и грейтесь!

Король послушался ее и молча глядел, как она хлопочет на кухне: сперва накрывает для него на стол, затем заглядывает в котел или же задувает чадающую свечу... Встречаясь глазами с королем, мамаша Джоан приветливо улыбалась, а когда майор Карлис и Ричард вернулись в кухню с провизией, велела им положить все продукты на стол и снять с его величества мокрые башмаки и чулки. Этим занялся Карлис. Увидев, в каком плачевном состоянии находятся ноги короля, он на мгновение обмер, и его губы под аккуратно завитыми усиками угрюмо сжались. Матушка Джоан принесла таз с теплой водой и попросила майора встать с пола: она хотела обмыть ноги его величества.

Майор поднялся и произнес с нарочитой бодростью:

– Нужно разобуть для вас сухие башмаки, сир.

Однако оказалось, что это легче сказать, чем сделать, ибо в доме не нашлось ни одной пары обуви, которая подходила бы королю по размеру. В конце концов, омыв ноги Карла от грязи и крови и срезав с них мозоли, мамаша Джоан была вынуждена высушить старые башмаки короля, положив внутрь горячие угли.

Король же тем временем как следует подкрепился, запив хлеб и сыр смесью вина со снятым молоком. Уильям Пендерел сел по его просьбе на табурет и рассказал все, что знал о лорде Уилмоте. Он говорил медленно и поначалу очень нерешительно, но обнаружив, что вольности, которые он допускал в своей речи, вызывают у короля только смех, раскрепостился и вскоре дал Карлу весьма выразительный, хотя и лаконичный отчет о том, что произошло.

Было совершенно очевидно, что Джон Пендерел считал милорда Уилмота большой обузой.

– Когда вы, ваше величество, ушли с Ричардом в Спринг-Коппис, – сказал Уильям, – Джон повел милорда в «Шорс», это в Хангерхилле. Но милорду тамошний дом пришелся не по душе... и правда, это ведь жалкая лачуга для такого важного господина! Поэтому Джон подумал, что, может быть, Джон Климпсон – он человек порядочный – приютит его светлость... А когда это сорвалось...

– Как «сорвалось»? Неужели он не согласился оставить у себя милорда? – перебил его жующий король.

– Ах, он-то согласился, и милорд бы у него как сыр в масле катался, но его светлость не снизошел до этого.

В глазах короля вспыхнули искорки.

– Значит, милорд показал свой милый нрав? Так-так, продолжай! Расскажи мне все!

Уильям поскреб ногтями подбородок и смущенно произнес:

– Не хочу обижать ваше величество, но похоже, милорд из тех, кто даже в жирном гусе найдет что-то плохое. Так сказал нам Джон. Он намучился с его светлостью, пристраивая его на ночлег. В те дома, куда Джон вначале привел его, милорд и зайти отказался, а к Рейнолдсу из Хайда отнесся с подозрением, поскольку Рейнолдс – человек очень бедный, да и дом его стоит прямо у дороги. Тогда Джон рассказал ему про некоего мистера Хантбача, он очень предан вашему величеству и живет в Бринсфорде. Джон подумал, что, может, его светлость

⁴ Посее – напиток из вина, молока и пряностей, который готовили в старину.

соизволит там переночевать, но – вот беда! Проходя через Ковен, они узнали, что в городе стоит отряд всадников. Милорд так перепугался, ему за каждым кустом чудился солдат! Потом они увидели на дороге каких-то людей, это были друзья, но милорд решил, что все наоборот; ему почудилось, что вся округа восстала против вашего величества. Да уж, скажу я вам, Джону пришлось хлебнуть с ним лиха...

– Как бы мне хотелось услышать эту историю из уст самого Джона! – вздохнул король.

– Джон почтет за честь повстречаться с вашим величеством, – с сомнением в голосе откликнулся Уильям. – Ну и, конечно, он будет изумлен, ведь Джон считает, что все важные господа подобны милорду. Я, правда, сказал ему, что ваше светлейшество так же непохоже на милорда, как мел – на сыр, и он в этом сам теперь убедится. Но вы не думайте, мы против его светлости ничего не имеем, – поспешил добавить Уильям. – И поверьте, мой господин, Джон очень старался угодить ему. А когда милорд разругался с мистером Хантбачем (из-за лошадей, которых поставили в старый сарай... а что поделать? Надежнее места ведь не было!), Джон отправился в Вулверхэмптон: узнать, нет ли там более подходящего дома для его светлости. Но ничего не нашел, а на обратном пути встретил священника – мы его прекрасно знаем, это хороший, честный человек, он живет в доме мистера Уитгрива, в Мосли, неподалеку от Вулверхэмптона – так вот, встретил Джон его и рассказал ему, что в Ворчестере был страшный бой и закончился он поражением «кавалеров». А потом поведал отцу Хадлстону про милорда, и святой отец предложил Джону вместе пойти к мистеру Уитгриву, ведь это ваш верный сторонник, он когда-то сражался за вашего батюшку. Ну, Джон и отправился с ним в Мосли, а мистер Уитгрив, прознав про злключения милорда, пошел, не мешкая, к мистеру Хантбачу и привел милорда в свой собственный дом, которым милорд остался вполне доволен.

– И Джон, насколько я могу судить, тоже обрадовался, – с усмешкой вставил король. – Так... и когда все это случилось?

– В четверг, тогда же, когда вы, ваше величество, отправились ночью в Меделей.

– И где сейчас милорд?

– Наверное, до сих пор у мистера Уитгрива, мой господин. Джон вчера на рассвете заходил в Уайт-Ледис: милорду захотелось узнать, нет ли каких известий о вашем величестве. Мы сказали Джону, что вы ушли с Ричардом: дескать, вы хотите переправиться через Северн и попасть в Уэльс. И Джон опять ушел в Меделей, чтобы передать эту весть милорду. Сегодня он должен вернуться домой... а может, уже пришел вчера вечером, только мне это неизвестно.

– Сегодня? – переспросил король и нахмурился, припоминая. – А какой сегодня день?

– Суббота, мой господин, шестое сентября, если вы не возражаете.

– Только суббота! – воскликнул король и на секунду закрыл лицо руками. – Неужели это возможно? – пробормотал он, обращаясь отчасти сам к себе, и в голосе его прозвучала такая скорбь, что Уильям ужаснулся.

Майор Карлис, молча стоявший у кресла короля все то время, пока Уильям рассказывал про Уилмота, выступил вперед и легким кивком велел Уильяму отойти подальше. Сам же встал на одно колено перед камином, взял чулки короля, сушившиеся в тепле, пощупал их и, немного помолчав, сказал:

– Нам необходимо подумать, сир, куда вас сегодня лучше спрятать.

Король отнял руки от лица.

– Как тюк с вещами, – хмыкнул он.

Карлис улыбнулся:

– С очень ценными вещами, сир.

Матушка Пендерел, убравшая со стола, отвлеклась от своего занятия и тихо пробормотала:

– У нас в доме есть два надежных тайника, сир. Вы можете спрятаться в любом!

– Если его величество решит последовать моему совету, то я бы не рекомендовал ему ни один из этих тайников, – вмешался Карлис, поглядев на короля. – Здесь опасно оставаться, сир, ведь эти добрые люди находятся под подозрением, поскольку они католики и очень преданы вашему величеству. В окрестностях уже рыскали солдаты Кромвеля, и я не думаю, что мы видели их в последний раз.

– Но милорд Дерби одобрил наш тайник, – возразила мамаша Пендерел, которую не убедили доводы майора.

– А уж то, что у вас скрывался милорд Дерби, мне и подавно не нравится, – ответил Карлис, кладя ногу короля себе на колено и натягивая на нее чулок. – Мало ли кому он мог об этом рассказать?! Об этом и о вашем тайнике... Поверьте, сир, мне не впервой играть в прятки.

– Но куда ты меня поведешь? – спросил король, слегка поморщившись, потому что в этот момент Карлис надевал на его ногу башмак. – Неужели снова в лес?

– Нет, у меня созрел более интересный план, сир. Мы с вами залезем на огромное дерево и спокойно просидим там до вечера – как мыши в головке сыра, – а Уильям с Ричардом будут настороже. Ежели мятежники ищут беглецов из Ворчестера, и в частности, ваше величество – а я думаю, это именно так! – то они самым тщательным образом прочешут леса.

Глаза короля весело блеснули.

– Значит, теперь мне придется весь день проторчать на дереве! О господи, моя жизнь теперь так богата впечатлениями, что я скоро изменюсь до неузнаваемости. Что ж, мне твой план по душе, Карлис. Но я хочу увидеть Джона Пендерела, хочу, чтобы он немедленно отправился к лорду Уилмоту и передал ему от меня весточку.

– Ваше желание будет исполнено, сир, и вечером вы сможете поговорить с милордом здесь.

– А всю ночь, – вставил Уильям, сидевший в дальнем, темном углу кухни, – ваше величество может провести в тайнике. Мятежники наверняка так утомятся от поисков, что не будут нас беспокоить.

Король повернул к нему голову:

– Дружище, а ты подумал о том, какой я опасный гость? Тебе следует хорошенько поразмыслить, прежде чем давать мне приют.

– Ага, – безмятежно откликнулся Уильям.

– Ага? – переспросил король. – Что это значит? Ты меня понял, а?

– Ага. Мы должны служить вашему величеству. И думать тут нечего. Это пустая трата времени, а вам надо уйти из дому, не дожидаясь, пока народ в нашей округе начнет просыпаться.

– Прекрасный ответ! – одобрил Карлис, поднимаясь на ноги и подходя к окну, чтобы открыть ставни.

Серый рассвет холодно брезжил над садом и окрестными полями. Немного южнее виднелась опушка Весенней рощи, а чуть в стороне, на открытом месте между домом и лесом стоял большой дуб со спиленной верхушкой. На него-то и указал королю Карлис. Неподалеку от этого дуба, на неравных промежутках друг от друга росло еще несколько деревьев, но этот был самый могучий, самый зеленый. Забравшись на него, можно было видеть дом и обозревать окрестности, а поскольку стоял он особняком, враги вряд ли могли заподозрить, что король изберет его в качестве убежища.

Как только майор коротко переговорил с Пендерелами, все вышли вместе с королем из дома. Ричард отправился на разведку, а Уильям принес деревянную лестницу, с помощью которой короля (заявившего – правда, весело, – что он не в состоянии сам взобраться на дерево) подняли наверх.

Карлис первым забрался на дерево и, найдя подходящую ветку, раздвинул листья, скрывавшие его снизу от посторонних взоров, и пригласил короля присоединиться к нему. Карл

постарался взобраться по лестнице как можно проворнее – насколько позволяли его израненные ноги – и, увидев зеленую «пещеру», в которой спрятался Карлис, заявил, что даже всем мятежникам Англии не удастся его здесь обнаружить. Предусмотрительная мамаша Пендерел принесла подушку, ее подцепили крючком с длинной ручкой и положили на большую ветку, чтобы королю было удобно сидеть. Затем Пендерелы, боявшиеся, что крестьяне вот-вот проснутся, ушли, пообещав держать ухо востро и сообщить Джону о возвращении короля.

– Никогда не думал, что такие бедняки могут быть столь честны, – сказал король, поудобнее устраиваясь на ветке.

Карлис чуть заметно улыбнулся:

– Откуда вам было это знать, сир? Вы же не сталкивались с бедняками. Однако смею вас заверить, вы еще встретите не одну сотню таких же честных людей.

В глазах короля заплясали лукавые огоньки.

– Что ж, значит, приключения пойдут мне на пользу, ведь я кое-чему научусь за это время. А откуда тебе знакомы эти Пендерелы?

– Без малого год назад, когда за мной упорно охотились, Уильям меня приютил. Мой дом в двух милях отсюда, даже меньше – в Брумхолле, прямо на границе со Стаффордширским графством.

– Ах да, я забыл. Ты прискакал сюда прямо из Ворчестера? И пробыл здесь весь тот жуткий день, что я провел в лесу?

– Нет, тогда меня тут не было. Бежав из Ворчестера, я сначала поскакал к некоему Деви Джонсу, он живет в Хите, это в приходе Тонг. И отлеживался там два дня.

– А как тебе удалось бежать из Ворчестера? – продолжал расспрашивать Карл. – Ты ведь участвовал в последнем сражении у дверей моего дома, да?

– Конечно участвовал. Мы разнесли почти все дома на этой улице, – хладнокровно ответил майор. – Будь у нас хоть какие-то резервы, мы бы, я думаю, даже потеснили мятежников.

Король застонал:

– Карлис! Карлис! Я не смог поднять в атаку конников Лесли! Они не поскакали за мной!

– Неужели? Ну, негодяи! Но все равно победа осталась за нами, ведь мы удерживали улицу в своих руках, пока ваше величество не покинули город, а нам-то именно это и нужно было!

– Лучше б я пал там в бою! – воскликнул король, и в его голосе заклокотала тщательно сдерживаемая ярость.

– Ну, и какая была бы от этого польза? – возразил Карлис. – Разве можно считать игру проигранной только из-за того, что вам один раз выпала не та фишка? О нет, я еще увижу вас в Уайтхолле, и вы добьетесь этого без всяких шотландцев!

– Да уж, если мне и суждено воцариться, то без помощи шотландцев, это точно! – подтвердил король, и недобрая усмешка искривила его губы. – Зря я доверился Аргиллу, который продался Кромвелю и предал моего отца! Но меня все уговаривали... все, кроме Гайды...

Карл осекся и какое-то время молча сидел, насупив брови и еще ниже опустив углы губ.

– Что ж, я свой урок усвоил, – наконец молвил король. – Я был мальчишкой, но – Бог свидетель! – теперь это не так!

– Осмелюсь предположить, сир, что это не единственный урок, который вам преподали в Шотландии, – сказал Карлис. – Мне лично этот шотландский «Ковенант» никогда не внушал приязни.

У короля вырвался смешок.

– Да я тебе столько могу порассказать об их дьявольском лицемерии! – воскликнул он. – Ты даже не представляешь себе всей низости Аргилла и его приспешников! Право же, все к лучшему, ибо мне надо было побывать в Шотландии и убедиться в их лицемерии, чтобы по достоинству оценить английскую церковь!

Угрюмая усмешка сменилась иронической улыбкой.

– Если мне хотелось в воскресенье развлечься, меня заставляли задерживать занавески! – продолжал Карл. – В день читалось по шесть проповедей, и все так напыщенно, что прямо с души воротило! Да, а еще меня заставляли каяться в моих собственных грехах и в грехах моего жестокого – прости, Господи! – отца. Заставляли сожалеть о так называемом идолопоклонстве моей матери и о злодеяниях всех кровожадных и заносчивых людей...

– И вы подчинялись? – перебил короля Карлис, и его борода клинышком воинственно вздернулась.

Угрюмая усмешка вновь заиграла на губах короля, большие глаза цинично поглядели на Карлиса.

– Да, подчинялся. Разве будешь придавать значение нескольким пустым словам, когда на карту поставлено целое королевство?

Карлис с состраданием прошептал:

– Увы, принцу с такой нежной душой пришлось усвоить столь горестный урок!

Король рассмеялся:

– Принцу с такой нежной душой! Ручаюсь, что и они думали точно так же. Вот один из усвоенных мной уроков, Карлис: выгляди кротким, держи при себе советников, но не доверяй до конца никому! – Карл вздохнул и прислонился затылком к стволу. – Увы, похоже, мне не суждено извлечь пользу из этого урока!

– Но почему? – возразил Карлис. – Неужели вы пали духом, сир? О нет, вы рождены не для того, чтобы сложить голову на плахе!

– Возможно, но зато я вполне могу сломать шею, свалившись с этого дерева, – откликнулся король. – Я даже не подозревал, до чего глупое у меня тело: оно все время хочет спать, а ноги не в состоянии прошагать и девяти миль, я очень быстро начинаю шататься от усталости. Верный Дик заявил, что, если бы меня воспитывали правильно, я бы сейчас не терпел таких мучений. Черт побери, он совершенно прав! И все же мне не кажется, что меня в детстве изнежили. Когда другие корпели над учебниками, я уже побывал в боях!

– Не горюйте, сир! – утешил короля Карлис. – Когда Джон Пендерел сетовал на то, что милорд Уилмот чересчур изнежен (он говорил: «Нежен, как лебяжий пух»), Уильям сказал: «Тогда он полная противоположность королю, ведь его величество крепче дубленой кожи».

Король усмехнулся:

– Он не видел, как мое величество, задыхаясь, отсиживалось в канаве. Где-то по дороге в Меделей – я забыл название того места – за нами гнался мельник. Гнался до тех пор, пока я не приказал Ричарду перепрыгнуть через изгородь. Ты бы покатился со смеху, если бы меня тогда увидел!

– О нет, мой господин! Это у меня мельник покатился бы. И не со смеху, а в канаву, – мрачно возразил Карлис.

– Боже, какой ты свирепый! – пробормотал король, закрывая глаза. – Да этот бедняга решил, что мы – пара обыкновенных бродяг.

– Если бы он и другие, подобные ему, встали под знамена вашего величества...

– О, ты не можешь осуждать его за то, что он предпочел не рисковать и остался дома! – вздохнул Карл. – Это мне не следовало являться в Англию с шотландским войском. Я не виню англичан в том, что они старались держаться от меня подальше.

– У меня другое мнение на сей счет, – откликнулся Карлис. Он поерзал на ветке и добавил: – Сир, если вы положите голову мне на колени, то вам удастся немного вздремнуть. Вы так утомились.

– О нет! – тяжелые веки Карла тут же приоткрылись. – Я должен преодолеть свою проклятую сонливость. А тебе и так тяжело, без моей головы.

– Ничего страшного, – сказал Карлис не как подданный монарху, а как отец – сыну. – Кладите-кладите, да я за такую ношу жизнь готов отдать! Ну как? Вам удобно?

Карл подчинился его воле и, поддерживаемый сильными руками Карлиса, лег на ветку.

– Да, очень удобно, – пробормотал он в полудреме. – Но удобно ли тебе, мой бедный друг?

– Вполне, сир.

– Должен предупредить тебя: по-моему, в моей одежде водятся вши.

Карлис усмехнулся:

– Типун вам на язык, сир!

– Но она так воняет! – воскликнул Карл. – Послушай, негодный, да ты никак потешаешься над моими страданиями?

– Да, сир, – чтобы не зарыдать, – ответил Карлис, глядя сверху вниз на бурое лицо короля. – А кто придал вашей коже этот оттенок?

– Миссис Вулф, она сделала отвар из грецких орехов. Старик Вулф трясся за свою жизнь, и мне пришлось просидеть день в сарае, зарывшись в сено. Миссис Вулф носила нам еду туда.

– Вы, наверное, были рады-радехоньки!

– Да, я всегда любил поесть, – вздохнул Карл.

– Что ж, поддерживать дух в таком большом теле нелегко, сир, – заметил Карлис. – Вам известно, что вы настоящий гигант, мой господин?

– Увы, да. В нашей семье высокие мужчины не редкость. Мой кузен Руперт – вот это действительно великан!

– Говорят, прабабушка вашего величества, королева Шотландии, была высокого роста.

– Не напоминай мне о шотландцах! – взмолился король. Он открыл глаза, и Карлис увидел в них лукавые искорки. – Аргилл замышлял женить меня на своей дочке!

– Ого! Ну а как ваше величество отнеслось к этой милой затее?

– Очень плохо. Но ему в этом не признался, а лишь изумился, что столь благочестивый человек хочет выдать свою дочь за столь порочное существо, как я.

Карлис улыбнулся, глядя на Карла:

– Совсем еще мальчик, а уже погряз в грехах?

– Это он так считает. А ты женат, Карлис?

– Нет-нет, что вы, сир! Мне было некогда, я всю жизнь воевал.

Углы больших губ поднялись кверху.

– Вот как? Но держу пари, уж пару-тройку внебрачных детей ты сделать успел.

Карлис расхохотался:

– Ну, что до этого, сир, то, может быть, вы и правы, но пока мне таких претензий никто не предъявлял!

– Ты плохой отец, – пробормотал Карл, вновь закрывая глаза. – А у меня есть прелестный сынок. Он у кормилицы в Роттердаме. А еще один... – Он вдруг рывком приподнялся. – Что я такое болтаю?

– Да вы уже грезите наяву, сир.

– Ты более чем прав! – вздохнул Карл.

Какое-то время он лежал молча, и майор наконец склонился над ним, решив посмотреть, спит он или нет.

Однако глаза короля были открыты. Он сказал:

– Как бы мне хотелось узнать, жив ли Гамильтон! Мне кажется, он был тяжело ранен. Мне сказали, что его отнесли в штаб.

Вид у короля был несчастный.

Карлис ответил:

– Да, правда, но что с ним случилось потом, я не знаю.

– Он был моим другом, – молвил Карл. – Аргилл хотел удалить его от двора, и Гамильтон посоветовал мне не противиться этому, ибо считал, что вся моя надежда только на Аргилла. Теперь-то я понимаю, что надеяться на этих людей не стоило. Аргилл быстро подрезал бы мне крылья... Представляешь, когда я приехал к солдатам и Аргилл увидел, что они проникаются ко мне любовью, он в ужасе увез меня оттуда! В Шотландии может быть только один великий человек – сам Аргилл! И солдат заставили покаяться.

– В чем? – удивился Карлис.

– В самонадеянности и святотатстве, – сонно ответил Карл.

– Дитя мое, по-моему, вы опять грезите, – тихо произнес Карлис.

– Нет, это чистая правда. А когда меня увезли в Дунфермлайн, в армии началась чистка. – Король затрясся от тихого смеха. – Они выгнали восемьдесят офицеров и четыре тысячи солдат!

– По-моему, это пахнет безумием, сир. Зачем они затеяли чистку?

– Затем, что их объявили безбожниками, дружище! Отчасти из-за этой чистки Кромвелю и удалось разгромить шотландцев в Дунбаре. Если бы не она, он бы не добился победы. Но министры Аргилла все еще занимались чисткой, а Лесли... – Карл запнулся, и лицо его посуровело. Немного помолчав, он продолжил: – Они кляли Бога за то, что Он допустил разгром «ковенантеров»... а кое-кто корил себя за то, что не проявил еще большую строгость, очищая ряды армии от недостойных. Но *это* зло вскоре было исправлено. А меня опять заставили покаяться в грехах.

В словах короля звучала такая горькая ирония, что Карлис погладил его по коротким, спутанным кудрям.

– Бедняжка! В Англии про вас рассказывали небылицы, но мне кажется, им почти никто не верил.

– Меня лишили главных моих советчиков, – вновь заговорил король сонным, хрипловатым голосом. – Разумеется, тех, к кому я был больше всего привязан. У меня такое чувство, будто все это случилось давным-давно. Помнится, я был очень одинок и страшно раскаивался, что ступил на эту унылую, враждебную землю. Но я подписал договор и поклялся соблюдать все его пункты. Поэтому мне приходилось слушать их проповеди и любезничать со священниками – и все это ради одного... ради того, что они в конце концов вынуждены были сделать...

Глаза Карла слипались, на губах играла улыбка.

Он сказал так тихо, что Карлису пришлось наклониться – иначе он бы не услышал:

– Меня короновали в Скоуне, а это даже Аргилл не в силах отменить.

Больше король не произнес ни звука, Карлис тоже молчал. Вскоре дыхание короля сделалось более глубоким, и майор понял, что он заснул. Карлис сидел, как изваяние, прислонившись к стволу и поддерживая короля одной рукой, чтобы он не упал. Охраняя покой темноволосого юноши, голова которого покоилась у него на коленях, майор, однако, успевал и обозревать окрестности – насколько это было возможно сквозь густую листву.

С наступлением утра местность оживала, и Карлису приходилось постоянно быть начеку. С ветки, на которой он сидел, была видна проселочная дорога, отходившая от тракта, который соединял Тонг и Брювуд, то есть вел мимо Боскобела к поместью Уайт-Ледис. По этой проселочной дороге уже прошло несколько человек. Карлис увидел Ричарда: тот шагал уверенно, с видом человека, занятого своим делом. Немного погодя на дороге показался мельник Хэмфри. Матушка Джоан хлопотала неподалеку от дерева: собирала палки для растопки очага; Уильям занимался тем же на некотором расстоянии от нее. Затем на дороге показался конный отряд, он ехал из Брювуда. Прочесывать эту местность всадники не стали, а поскакали по направлению к Уайт-Ледис.

Прошло какое-то время... у майора заболела рука, на которую навалился король, но убрать ее он не решался. Карлис пошевелил пальцами, но совсем чуть-чуть, осторожно, ибо

боялся разбудить Карла, который погрузился в глубокий сон. Уильям Пендерел пошел в сторону Спринг-Коппис и исчез за деревьями. Затем появился с вязанкой хвороста и неторопливо, как бы прогуливаясь, прошелся под дубом со спиленной верхушкой.

Головы он так и не поднял, однако произнес вполне отчетливо:

– Солдаты прочесывают лес.

И вскоре Карлис заметил между деревьями красные мундиры. Спустя короткое время появилось несколько солдат, они шли по опушке леса. Они подозвали к себе Уильяма, и он, постояв немного с глупо разинутым ртом, поковылял к ним. Солдаты остановились далеко, и Карлис не услышал, о чем они говорили, но видно было, как Уильям озадаченно почесал затылок, а затем указал рукой в сторону Боскобела. Карлис про себя улыбнулся. Солдат, очевидно, удовлетворил ответ Уильяма, поскольку вскоре он отошел от них и снова принялся собирать хворост. Обвязав охапку хвороста веревкой, он понес ее к дому.

К этому времени рука Карлиса уже перестала болеть, однако угрожающе онемела, так что он не мог больше поддерживать короля. Солдаты слонялись по полю с ошарашенным видом, как бывает, когда охотники совершенно не понимают, где искать добычу; некоторые подошли довольно близко к дубу, и Карлис не на шутку встревожился. Он склонился над королем и тихонько окликнул его по имени, но Карл даже не пошевелился. Поняв, что король спит слишком крепко и его так просто не разбудишь, Карлис прикрыл ему рот ладонью и, собрав остатки сил, ущипнул затекшей правой рукой. Король вздрогнул и проснулся, спросонок что-то воскликнув, однако это восклицание было почти не слышно, потому что Карлис по-прежнему зажимал ему рот.

Карлис прошептал:

– Тише! Здесь солдаты!

Король посмотрел на него затуманенным, еще сонным взором. Потом моргнул, убрал руку Карлиса от своего рта и сел, крепко держась за толстый сук.

Взглянув в просветы между листьями на врагов и убедившись, что они не совсем рядом и не в состоянии его услышать, король сказал, подмигивая:

– Фу, что за манеры! Мне показалось, что я попал в лапы к самому Ноллу Кромвелю.

– Умоляю, простите меня, сир! Я боялся говорить громко и был вынужден допустить такую вольность – ущипнуть ваше величество, – сказал Карлис, растирая затекшую руку.

– Я расцениваю это как оскорбление королевской особы, – пошутил король, осторожно раздвигая ветви, чтобы можно было наблюдать за солдатами в красных мундирах, прочесывающими опушку леса.

– О, какой ужас! Но еще большим преступлением было бы позволить вашей священной особе рухнуть с дерева, а такая опасность существовала.

– О, это было бы уже изменой, – усмехнулся король. Он устроился поудобнее на ветке и добавил: – Что ж ты меня раньше не разбудил? Эх, если б еще здесь было что поесть, мы бы вообще жили по-королевски!

– А у нас есть, сир! – откликнулся Карлис, засовывая руку в карман своего кожаного плаща. – Ваше величество забывает, что я старый солдат!

– Карлис, клянусь, я произведу тебя за это в рыцари! – воскликнул король, глядя, как майор достает из кармана несколько кусков хлеба и сыра, завернутых в чистую тряпицу.

– Когда ваше величество воссядет на троне, я подам прошение о том, чтобы мне разрешили завести герб, – сказал Карлис, протягивая королю хлеб с сыром.

– Тебе будет даровано такое право, – пообещал король.

Он взял немного еды, а остальное отдал майору.

– Ты тоже поешь... Нет-нет, это приказ, друг мой! А что ты хочешь нарисовать на своем гербе?

– Дуб, – недолго думая, ответил Карлис. – Дуб посреди поля.

– А наверху гербового щита?

– Ну, это уже решать вашему величеству.

Король откусил большой кусок хлеба:

– Наверху, конечно, будет гирлянда. Гирлянда из дубовых листьев и две шпаги... нет, шпага и скипетр, крест-накрест. А тебя мы переименуем в Карлоса. Карлос – то же, что и Карл.

– С превеликим удовольствием. А какой у меня будет девиз, сир?

Король покачал головой:

– Увы, я же неуч, а девиз должен быть на латыни. Но... как тебе нравится вот такой: «Спаситель и избавитель»?

– Сир, неужели это все за хлеб с сыром?

Король рассмеялся, но затем серьезно произнес:

– Знаешь, вчера, перед тем, как ты появился, Карлис, я был в отчаянии: мне казалось, я потерял всех моих друзей.

– Да, на вашу долю выпали приключения, которых не знавал ни один английский король, сир, – согласился с ним Карлис.

– Но меня и воспитывали не по-королевски, – пробормотал Карл, набив полный рот еды. – Ты слышал, что мы с моим братом Джеймсом совсем еще детьми наблюдали за сражением на Эджилле? В то время нашим воспитателем был доктор Харвей; Джеймсу тогда исполнилось девять лет, а мне – двенадцать. Харвей укрылся вместе с нами под кустом. Как ты, наверное, догадываешься, ему приказали не сводить с нас глаз, но бедняге гораздо интересней было резать жаб и лягушек, чем следить за ходом военных действий, поэтому он вскоре достал книгу и уткнулся в нее! И только когда в нас чуть было не угодило пушечное ядро, он вспомнил о своих обязанностях и вообще о том, где мы находимся. Можешь себе представить, какого тогда мы задали стрелкача! От ужаса у доктора волосы встали дыбом! – Король усмехнулся, припомнив эту картину, и прибавил: – А вскоре после той истории король, мой отец, послал меня на запад – в надежде, что я быстрее повзрослею. Больше всего мне понравилось в Джерси.

Карл доел хлеб и сыр и воскликнул с юношеским задором:

– Ты любишь море, Карлис? Я готов владеть одним-единственным акром земли, лишь бы мне принадлежали море и хорошее судно! Мне сделали прекрасный пинас в Сент-Мало! Большой, двухмачтовый, двенадцативесельный. Я никому не позволял вставать к штурвалу, всегда правил только сам. Это были счастливейшие дни в моей жизни... может, лучше уже не будет.

Король вздохнул.

Карлис сказал:

– Не горюйте, сир! У вас будут другие суда, еще краше. И в придачу целый флот, который вы сможете считать своим!

– Возможно. – Король посмотрел вниз и увидел, что солдаты уже исчезли. – Похоже, они отсюда убрались. А к нам направляется мой дорогой Уильям.

Через пару минут Уильям уже стоял под деревом и рассказывал королю, что солдаты, подробно расспросив его и убедившись, что в Боскобеле нет ничего подозрительного, должно быть, поверили, что Уильям не прячет у себя короля или каких-либо других беглецов, и принялись вновь обшаривать лес, еще более усердно. Однако Уильям считал, что королю не следует покидать свое убежище до темноты. Карл торопливо сказал, что он готов оставаться на месте, но ему ужасно хочется пить. Уильям немного подумал и, кивнув головой, поплелся к дому. Вернулся он с бутылкой белого вина, которую передал наверх Карлису.

– Что ж, – молвил король, ловко откупоривая бутылку, – теперь все наши мечты сбылись. Твое здоровье, Карлис!

Глава 6

Тысяча фунтов

Остаток дня прошел без приключений; время от времени беглецы видели солдат, однако те ни разу не подошли к дереву настолько, чтобы король и Карлис сильно встревожились. Больше всего неудобств король испытывал от сидения на жестком суку и от того, что грубая рубаха натирала тело, а руки и ноги затекли – еще бы, ведь королю не один час пришлось просидеть, скрючившись в три погибели. Однако король был терпелив, не жаловался, а коротал время в веселых беседах и порой дремал: тогда Карлис поддерживал его, чтобы он не упал с дерева.

Один раз, дотронувшись до черной щетины, выросшей на его подбородке, король заметил:

– Если бы моя матушка меня сейчас увидела, то, наверное, не узнала бы!

Карлис в ответ пошутил, но про себя подумал, что король даже не подозревает, насколько он прав. Люди, провожавшие юношу, который решил попытать счастья в Шотландии, поразились бы тому, как мало осталось в молчаливом молодом короле от робкого, слегка заикающегося мальчика. За восемнадцать горьких месяцев мальчик стал взрослым мужчиной и твердо усвоил, что на свете никому нельзя полностью доверять.

Когда он спал, черты его лица смягчались; он выглядел моложе, становился удивительно беззащитным. Карлис вглядывался в лицо Карла, то пытаясь найти в нем сходство с величественным, хотя и невысоким отцом, то гадая, какая судьба уготована молодому человеку.

«Да, красавцем его не назовешь», – подумал Карлис, усмехаясь в усы.

Король был смуглым, с резкими чертами, от него веяло меланхолией... Да еще эта привычка оттопыривать полную нижнюю губу! Кто-то мог счесть его внешность почти отталкивающей... и все же в улыбке и в темных глазах Карла таилось столько очарования, что при одном взгляде на него даже у самых огрубевших вояк становилось теплее на душе.

Лишь с наступлением полной темноты Уильям Пендерел принес лестницу и сказал королю, что наконец можно вернуться в дом, ибо теперь там безопасно. Король и Карлис с немалым трудом спустились вниз, и, очутившись на земле, Карл вдруг обнаружил, что его ноги не только не отдохнули, а, наоборот, болят пуще прежнего и еще больше распухли. Король был рад опереться на руку Уильяма и на полпути к дому заявил, что сегодня ночью он не в состоянии двинуться дальше; будь что будет – он никуда не пойдет!

Как только Карл вошел в дом, его проводили в гостиную, где горел камин. Множество сальных свечей, отбрасывая свет на дубовые доски, которыми были обшиты стены, заставляло гипсовую лепнину на потолке принимать гротескные формы уродливых масок. Король сел к огню, сказав, что такое удовольствие ему и не снилось, однако немного передохнув и согревшись, лениво прислушался к спору, который вполголоса затеяли Уильям Пендерел и Карлис, а затем встряхнулся и попросил провести его в тайник, имевшийся в доме.

На самом деле в доме было два тайника: в один можно было попасть сквозь раздвижную стену в самой парадной спальне (выход из этого тайника вел по широкому дымоходу в сад, а дверца была искусно замаскирована густым плющом), другой тайник находился в подполе верхнего этажа, в камерке для хранения продуктов. Карлис и Уильям сочли второе тайное убежище надежнее первого; они предполагали, что солдаты скорее примутся простукивать стены, нежели обшаривать пол. Спустившись в подпол, король обнаружил, что там вполне можно улечься, свернувшись калачиком; это его устроило, и он выразил желание провести ночь в этом тайнике.

Затем Карл спустился на два этажа, и его вновь провели в гостиную, где мамаша Пендерел уже накрыла стол для ужина.

– О, пахнет жареной курицей! – воскликнул король, приняхавшись. – Какой же счастливчик Уильям, что у него такая жена, как ты, мамаша Джоан!

– Ах, мой господин, – улыбнувшись и покраснев, отвечала мамаша Джоан, – это все, что я могу предложить вашему величеству. Больше у меня ничего нет, увы!

Король сел во главе стола, уверяя хозяйку, что она приготовила обильный ужин (хотя на самом деле он один мог бы съесть всю эту курицу, оставив только обглоданные косточки), и, взяв в руки кухонный нож, велел Карлису сесть рядом и тоже приняться за еду.

– Лучше я сначала поухаживаю за вашим величеством, – сказал Карлис.

– Садись-садись, дружище, – не соглашался король. – Что за вздор?! Неужели, просидев целый день на одной ветке со мной, ты теперь будешь разводить все эти церемонии?

– Пожалуйста, ваше величество, разрешите мне поухаживать за вами, – попросил Уильям. – А ежели ваше величество хочет увидеть моего брата Джона, то я его приведу, он ждет в кухне.

– Позови его, – кивнул король. – А где мой верный Дик?

– Дик и Джордж сторожат дом и следят за дорогой, – ответил Уильям. – А Хэмфри пошел в Шифнел, он разузнает там новости и тут же вернется.

– О, похоже, у меня появились телохранители! – пробормотал король, вгрызаясь в куриную ножку.

– Это хорошо, что у нас есть кому караулить дом, – сказал Уильям.

Он пошел за Джоном и вскоре, вернувшись с ним в гостиную, подтолкнул мужчину к королю и сказал:

– Иди, поговори с королем. Нечего бояться, браток!

Джон, второй по счету брат, был сильным, кряжистым мужчиной с серьезными серыми глазами, пристальный взгляд которых был сейчас устремлен на короля. Сперва Джон немного робел, но, когда король взмахнул полуобглоданной куриной ножкой, приглашая его подойти к столу, суровое лицо Джона слегка смягчилось, на нем появилась улыбка, и он сделал несколько шагов вперед.

– Джон, а где милорд Уилмот? – спросил король.

– Ежели не уехал, то в Мосли, ваше величество, – ответил Джон. – Но вообще-то про милорда ничего нельзя сказать наверняка, ведь у него шило в зад... вы уж меня простите, мой господин.

– А ты сообщил ему, что мы с Ричардом пошли в Меделей?

– Сообщил, и можете не сомневаться, его светлость меня услышали. А вот что ему потом взбрело в голову, этого я сказать не могу. Милорд послал лошадей к полковнику Лейну в Бентли-Холл; вроде бы этот джентльмен служил под начальством милорда в последнюю войну. Может, он укроет милорда от солдат... хотя, по правде говоря, Мосли-Холл – тоже надежное убежище.

– Ты не сходишь еще раз в Мосли, чтобы передать милорду весточку от меня? – спросил король.

– Да схожу, конечно! С радостью, едва рассветет. Но я бы на месте вашего величества не доверял этому человеку, – пренебрежительно заметил Джон.

– Ну что ты, Джон! Его светлость – мой преданный ДРУГ.

– Ага, – откликнулся Джон. – Ему, конечно, не терпится получить весточку от вашего величества, не спорю. Но он так суетлив и трусоват, что, сдастся мне, вряд ли будет горой стоять за ваше величество, ежели его схватят солдаты.

– О себе-то я позабочусь, – сказал король. – Но я должен убедить милорда надеть простое платье.

– Он на это не пойдет! – заявил Джон. – И без лошадей с места не сдвинется. Мистер Уитгрив голову сломал, раздумывая, куда бы пристроить лошадей милорда, ведь в Мосли-Холл конюшня стоит у самой дороги.

Король рассмеялся:

– Милорд слишком тучен, чтобы ходить пешком, дружище Джон. Он никогда этого не делал. – Карл отодвинулся от стола и вытянул длинные ноги. – Матушка Джоан, я теперь сыт и готов бросить вызов всем врагам до единого! Но хорошо бы еще избавиться от бороды, – добавил он, потрогав свой колючий подбородок.

– Извольте, вашему величеству незачем ходить небритым, – сказала мамаша Пендерел. – Уильям, побрей его величество.

– Хорошо, – согласился Уильям. – Побрею.

– Неужели вы позволите ему побрить вас, сир? – прошептал Карлис, склонившись над креслом короля.

– А почему бы и нет? – удивился Карл. – Уильям, я желаю, чтобы ты меня побрил.

– Ага, – сказал Уильям и пошел за бритвой.

Джон отправился вслед за ним и, притворив дверь в гостиную, воскликнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.